

ТАЙНЫЙ ГОРОД

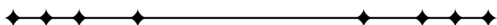

ОФИЦИАЛЬНАЯ СТРАНИЦА «ТАЙНОГО ГОРОДА»
В ИНТЕРНЕТЕ: T-GRAD.COM

ЦИКЛ «ТАЙНЫЙ ГОРОД»

ВОЙНЫ НАЧИНАЮТ НЕУДАЧНИКИ
КОМАНДОР ВОЙНЫ
АТАКА ПО ПРАВИЛАМ
ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО
И В АДУ ЕСТЬ ГЕРОИ
НАЛОЖНИЦЫ НЕНАВИСТИ
КУКОЛКА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ
ТЕНЬ ИНКВИЗИТОРА
КАФЕДРА СТРАННИКОВ
ПРАВИЛА КРОВИ
КОРОЛЕВСКИЙ КРЕСТ
ЦАРЬ ГОРЫ
ДЕНЬ ДРАКОНА
ЗАПАХ СТРАХА
РЕБУС ГАЛЛА
ПАУТИНА ПРОТИВОСТОЯНИЯ
ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ
В КРУГЕ ВРЕМЕН
МИСТЕРИЯ МЕСТИ
ДИКИЕ ПЕРСЫ
ОХОТА НА ГОРНОСТАЯ
ЗЕЛЕНый ГАМБИТ
ДУРАКИ УМИРАЮТ ПЕРВЫМИ
ОХОТНИКИ НА ВАМПИРОВ
СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО
НОЧЬ СОЛНЦА
ПЕРСТЕНЬ ПАРАЦЕЛЬСА
ЖАЖДА
ИСПОЛНЯЮЩИЙ ЖЕЛАНИЯ
РОДНАЯ КРОВЬ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО СИЛЫ
ПОЦЕЛУЙ УРОБОРОСА
НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКАНОВ
КРАСНАЯ УГРОЗА
ПОРЧЕНАЯ КРОВЬ
САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ПРИЗ
ТЁМНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ
БЫСТРЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

ВАДИМ ПАНОВ

ОХОТА НА ГОРНОСТАЯ

ЗЕЛЕНый ГАМБИТ

ПОЦЕЛУЙ УРОБОРОСА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Оформление серии *Куликовой Елены*

Панов, Вадим Юрьевич.
П16 Охота на горностаю; Зеленый гамбит; Поцелуй Уробороса / Вадим Панов. — Москва : Эксмо, 2022. — 704 с.

ISBN 978-5-04-165389-7

«Охота на горностаю»

Никто не удивился тому, что три юных чуда из хороших семей выбрали для отдыха именно Таиланд — где еще можно расслабиться и отдохнуть от Тайного Города? И где еще можно пропустить неожиданный удар от старых врагов, пожелавших начать новую интригу против Ордена? Именно здесь, во тьме тропической ночи, молодым рыцарям придется пройти настоящую проверку на прочность...

«Зеленый гамбит»

Нет покоя в Тайном Городе! Да и откуда ему взяться, если первый князь Нави, вечный изгнанник Ярга вернулся в большую игру и собирается захватить власть над Тайным Городом и всей Землей. И неумолимо движется к своей цели. Заговоры и предательства — вот война Ярги, и на шее королевы Всеславы уже затягивают петлю те, кого она считает верными подданными. Зеленый Дом шатается, и многие начинают следовать принципу: «Нужно ставить на победителя», имея в виду первого князя. Тень легендарного Ярги нависла над Тайным Городом, но в том продуманном хаосе, который он создает, есть четверо неизвестных — вынырнувшие из небытия обитатели Знающих Выселок. Которых считали мертвыми. Которых считали врагами. Кем они станут теперь?

«Поцелуй Уробороса»

Власть, любовь, ненависть. Что еще нужно, чтобы начать войну? На одной чаше весов — королевская корона, на другой — жизнь близких, и выбор — как удар меча: стремительный и резкий. Времени нет... Но исход не изменить ни силой, ни мольбой, потому что невозможно изменить то, что уже случилось. Кровавая свадьба королевы Всеславы стала прологом череды потрясений, которые затронули не только Зеленый Дом, но и весь Тайный Город. И вновь Великим Домам не обойтись без помощи сплоченной команды наемников-челов — Артема, Кортеса, Инги и Яны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165389-7

© Панов В.Ю., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ОХОТА НА ГОРНОСТАЯ

ПОВЕСТЬ

*С благодарностью Вике и Виталику.
Ваша занятная история подтолкнула меня
к написанию этой повести*

ПРОЛОГ

Грохот.

Грохот бесчисленных залпов снизу и грохот бесчисленных разрывов сверху, с недоумевающего неба, которое безостановочно таранили разноцветные фейерверки, красивые, очень красивые и прекрасные. Грохот. И тут же — свист взлетающих ракет, радостные возгласы пьяных людей, музыка с кормы, музыка с носа, музыка из каждого иллюминатора, и громкий, неприлично надрывной, смешанный с бессвязными, но весёлыми воплями смех, грубо разрывающий священную тишину великого моря. Смех, вопли, музыка, но главное...

Грохот.

Такой представлялась океанская яхта «Сабина» в эту лунную ночь — белоснежный четырёхпалубный сгусток роскоши и грохота. Элегантный, эффектный и чрезвычайно громкий в праздничном загуле сгусток, выдавливающий из себя шум и шутихи под горделивой россыпью ярчайших южных звёзд.

— Почему китайский Новый год настолько шумный? — негромко спросил Винсент. — Разве нельзя устроить всё то же самое, но без надрыва? Точнее, без взрыва? — подумал и уточнил: — Без взрывов.

— Праздник, — так же тихо отозвался капитан Герро.

И умолк.

Секунд через пять Винсент понял, что продолжать капитан не собирается, и язвительно заметил:

— Я читал, что Новый год — праздник. Вопрос заключался в следующем: почему его китайская версия такая шумная? Потому что поддельная?

— Вы действительно не знаете?

— Нет. — Шарге демонстративно зевнул, показывая, что задал вопрос исключительно от скуки. — Меня довольно слабо интересуют верования человеческих племён, поскольку не люблю случаи, когда недостаток знаний компенсируется буйной фантазией.

— Что же вас печалит в таком случае? — удивился капитан.

— Челы считаются разумными, и этот факт косвенно бросает на нас тень.

— Спящий может подумать, что мы такие же кретины?

— Когда проснётся.

— Вы верите в Пробуждение?

— Планирую умереть раньше, чем оно случится.

— Помочь? — немедленно осведомился Луминар.

— Обойдусь, — почти сразу отозвался Шарге.

После чего мужчины вежливо улыбнулись друг другу.

Они были совершенно не похожи. Винсент — старый, но ещё крепкий, не развалина, а гигант, чей пик остался в прошлом, но он всё ещё грозен. Крупное, довольно грубое лицо, совсем седая голова и мрачный, как правило, взгляд больших карих глаз. Герро — худой, не тощий, гибкий, бритый наголо, с болезненно-бледной кожей, но почти без морщин, а потому никто не мог с точностью назвать его возраст. Холодные руки, холодные пальцы и красные глаза... Луминара часто принимали за альбиноса, однако он им не был.

— В общем, челы и есть челы, — подвёл итог Шарге.

Защищать господствующую расу Герро не планировал, но не смог отказать себе в удовольствии поддеть высокомерного собеседника и потому продолжил:

— Я всю жизнь провёл среди челов и убедился в том, что их сообщества весьма отличны одно от другого.

— Не буду спорить, — с убийственной вежливостью отозвался Винсент.

— Китайцы — одни из самых цивилизованных.

— Ага...

В коротеньком, из трёх букв, замечании, тайлось столько презрения, что капитан едва не выругался. Лаконичный, но ёмкий ответ заставил Герро пожалеть о затеянном споре, но гордость не позволяла ему сдаться и замолчать. Во всяком случае, не так быстро.

— Некоторые человеческие «верования» имеют настолько мощный фундамент, что Великие Дома предпочитают с ними не связываться, — с деланой небрежностью произнёс капитан. — Достаточно вспомнить инквизиторов.

— Какое отношение имеют инквизиторы к производимому «Сабиной» шуму?

— Никакого.

— Рад, что хоть здесь мы сошлись во мнении, — с иронией подытожил Шарге.

И Герро захотелось его убить.

Мужчины стояли в абсолютно одинаковых позах: чуть согнувшись и опершись руками о борт дрейфующей с выключенными огнями шхуны «Чёрный абрис», абсолютно незаметной в праздничной ночи. В двух кабельтовых к северу фонтанировала грохочущими фейерверками эффектная «Сабина», но никто из её пассажиров и членов команды понятия не имел, что за ними внимательно наблюдают те, от кого следует держаться подальше, — не позволял элементарный морок.

— Петардами китайцы отпугивают злых духов, — угрюмо сообщил Герро.

— Весьма цивилизованно.

— Это древняя традиция.

— Читайте, что я впечатлён. — Шарге вновь зевнул, параллельно придумал смешную, как ему показалось, шутку и, едва переведя дыхание, спросил: — А что делать, если добрые духи тоже испугаются и разбегутся?

— По всей видимости, добрые знают, что отпугивают не их.

— Или добрых нет вовсе.

— Или так, — кивнул Герро. — С добрыми духами и добрыми демонами на Земле большая проблема.

— И фейерверками их не запугаешь, — медленно и на этот раз серьёзно произнёс Винсент. — Особенно наших.

— Согласен.

Те «духи», которых мужчины приготовили пассажирам «Сабини», от петард, шутих и ракет даже не почешутся.

Гуляющая яхта освещала изрядную часть окрестностей, однако ни свет из иллюминаторов, ни разноцветные фейерверки, ни таранящие небо прожекторы не помогли разглядеть плывущие к судну тени. Да никто из веселящихся на «Сабине» людей и не смотрел вниз, на тёмные ночные воды, никто не выискивал опасность, поскольку все были слишком заняты питьём и смехом. На борту, разумеется, присутствовали вооружённые люди — телохранители владельца, — однако те из них, что считались находящимися на дежурстве, оглядывали окрестности в поисках судов или лодок и в упор не видели настоящую опасность.

Не видели плывущих к яхте воинов.

— И всё-таки меня смущают размеры ваших кукол, Винсент, — вернулся к закрытой вроде бы теме Герро. — Поверьте, пятьдесят дюймов — это очень мало.

— Сколько нужно?

— Я уже говорил: в моём представлении голем должен быть достаточно велик и соответствующе силён. Вспомните «Лунатика» — лучшего бойца Тайного Города...

— Но...

Однако перебить себя Герро не позволил и закончил мысль «неубиваемым» аргументом:

— Ваши недомерки ниже малайцев.

— Зато сильнее и быстрее, — улыбнулся Шарге.

— Все качественные големы быстрее и сильнее челов, — парировал капитан. — Иначе какой в них смысл?

— А мои, как вы выразились, недомерки потребляют мизерное, по сравнению с «Лунатиком», количество магической энергии, что в ваших обстоятельствах огромный плюс.

— В моих обстоятельствах огромный плюс — кормить малайцев, а не мальков, — хмыкнул Герро. — Малайцев прятать не надо.

— Одно другому не мешает.

— Да как сказать...

— Так, как есть, так и говорите, — рассмеялся Винсент. — Голем не просит есть и пить, лежит в трюме, не расходуя ни грана магической энергии, и ждёт своего часа. Делает работу и возвращается в трюм, не требуя доли с добычи. — Шарге бросил на собеседника весёлый взгляд: — Одни плюсы, капитан, одни плюсы.

Винсент доставил Герро новых членов команды — специально разработанных для абордажной команды големов, — и именно они в настоящее время подплывали к яркой, эффектной, грохочущей и обречённой «Сабине».

— И всё-таки меня смущают размеры ваших кукол, Винсент.

— В этом их преимущество.

— Потребление энергии, я помню, — кисло произнёс капитан. — Но в бою...

— В бою они неуправляемы.

— До тех пор, пока на них кто-нибудь не наступит.

— Жертва машинально ищет соразмерного противника, пропускает низенького голема и получает фатальную рану до того, как сообразит, кто её нанёс!

— В теории звучит красиво, — прищурился Герро.

— На практике всё ещё лучше, — заверил капитана Шарге. Однако поняв, что не убедил собеседника, поинтересовался: — Как быстро, по вашему, десять «мальков» возьмут под контроль «Сабину»?

— Ну... — протянул капитан. — На борту примерно пятьдесят перепившихся китайцев, включая женщин и детей... Сопротивления не будет, поэтому... Семь минут.

— Пять.

— Ваша ставка?

— Сто юаней.

— Договорились. — Герро пожал Винсенту руку. — С какого момента засекаем время?

— Как только големы поднимутся на борт.

— Ступят на трап.

— Хорошо, пусть так.

Прошлым вечером владелец «Сабины» устроил для гостей гонки на скуттерах, с утра развлечение планировалось повторить, поэтому трап не подняли, чем помогли низкорослым куклам Шарге оказаться на борту. Впрочем, конструктивные особенности кукол позволили бы им легко обойтись и без подобной помощи.

— Големы энергичны, послушны, исполнительны, не склонны к бунту, не претендуют на добычу, но, увы, беспросветно тупы, — вздохнул Винсент. — Вот что вы должны были отметить в первую очередь, Герро: их тупость, а не размеры. Для морских операций, вроде «Взойти на яхту и убить всех, кто там находится», големы идеальны. Ещё они незаменимы, если требуется «Встать насмерть в западном коридоре» или же по фронту на поле боя. А вот сложные задачи големам не по зубам, и это обстоятельство полностью нивелирует их высочайшие тактические характеристики.

— Нужна другая система управления, — пожал плечами Герро и удостоился от собеседника одобрительного взгляда:

— Вы смотрите в корень, капитан. Либо нужно разработать новый мозг, либо новую систему управления. И как раз сейчас я над ней работаю.

— Поздравляю.

— Пока не с чем. — Шарге вновь повернулся к «Сабине», прищурился и произнёс: — Кажется, они доплыли.

— Время пошло. — Капитан улыбнулся и нажал на кнопку секундомера. — Готовьте сотню, Винсент.

— Я уже придумал, как её потратить.

— Ха, ха, ха.

И получилось так, что деланный смех на «Чёрном абрисе» стал своеобразным сигналом для ворвавшихся на «Сабину» големов.

— Ха, ха, ха!

И весёлые возгласы начали сменяться воплями ужаса и криками о помощи такой силы, что они легко перекрывали льющуюся из динамиков музыку. Один вопль. Другой. Третий... Мужчины их не считали и не комментировали. И мнениями не обменивались, предпочитая слушать музыку резни в суровом молчании. Они не испытывали угрызений совести и не жалели несчастных пассажиров «Сабины», они просто ждали, прекрасно, во всех деталях представляя, что сейчас творится на роскошной яхте.

Как льётся кровь...

Как льются слёзы...

Как заходятся в крике обречённые, не способные ничего сделать люди...

Как кто-то прыгает за борт, надеясь отыскать спасение в воде, и как легко и непринуждённо догоняет его невысокий, похожий на карлика воин... И бьёт. И тут же возвращается на борт, чтобы продолжить убивать на ставших скользкими от крови палубах «Сабины». Не зная жалости. Не зная усталости. Пятьдесят дюймов искусственной плоти и предельно простого, строго подчиняющегося хозяину разума. Пятьдесят дюймов ловкости и силы. И два мачете на каждого: Шарге хотел настоящий абордаж, с клинками и кровью, а потому намеренно не выдал големам огнестрельное оружие.

— Я даже отсюда чувствую запах крови. — У Герро раздулись ноздри. — Соль и кровь... Вы даже не представляете, Винсент, как великолепен сей изысканный аромат для настоящего ценителя.

Ответом стала лёгкая улыбка.

А фоном — крики, крики, крики... Затухающие и ещё полные сил, яростные и жалобные, тоскливые, охваченные отчаянием и безнадежностью крики...

Быстрые големы разили пассажиров снизу, уверенно целясь в бедра и пах, в артерии, именно этим и объяснялось обилие крови, запах которой растревожил Герро. А ещё ему нравились многочисленные крики: големы не добивали несчастных, наносили ужасающие раны и оставляли умирать, торопясь на поиск новых жертв, и теперь тишину океана тревожили не взрывы, а стоны тех, кому пока не повезло умереть или потерять сознание.

— Малайцы, будем откровенны, менее хладнокровны, — признал капитан. — Я уж не говорю о филиппинцах.

— Рад, что вы по достоинству оценили моих скромных помощников, — рассмеялся Винсент.

— Ещё не оценил, — поднял указательный палец Герро. — Яхта...

И в этот самый миг один из прожекторов «Сабины» отыскал «Чёрный абрис» и луч упёрся в корму пиратской шхуны. А крики, во всяком случае, самые громкие, стихли.

— Яхта ваша, капитан Герро, — спокойно произнёс Шарге. И посмотрел на часы: — Четыре минуты и четырнадцать секунд, вы проиграли мне сотню.

— Отдам, когда продадим товар.

Мужчины рассмеялись.

— Кстати, я приказал големам взять пленных, — небрежно сообщил Винсент. — Три штуки. Достаточно?

— Вы предусмотрительны, — медленно проговорил Герро. — Спасибо.

— Оставьте, капитан, — махнул рукой Шарге. — Маленькая дружеская услуга... Впереди нас ждут весьма интересные дела, и вы должны быть в форме.

— Твоё здоровье! — провозгласил Кольдер, поднимая стакан с какой-то безалкогольной на вид, но при этом пахнущей виски жидкостью. — Твоё здоровье!

— Моё что? — не понял Уэрбо.

— Здо-ровь-е! — по слогам повторил де Бер.

Икнул и тряхнул головой, подтверждая, что не ошибся.

— Это как? — не понял собеседник.

— Это «health» только по-русски, — сообщил уставший Рикки.

— Не «health», а «the health», — уточнил въедливый Вернон.

— Не обращай внимания, он слегка не в себе.

Кто произнёс эту фразу, осталось невыясненным. Впрочем, в этот полночный час многое терялось, расплывалось и оставалось неразборчивым, а потому такая мелочь, как авторство бессмысленного замечания, никого не задела.

— В общем, за здоровье! — вернулся к главному Кольдер.

— Погоди... — Уэрбо нахмурился, помогая мыслительному процессу напряжённой мимикой, после чего родил на удивление своевременный вопрос: — Ты русский, что ли?

— Ну... Почти.

— В смысле? — окончательно запутался Уэрбо. — Как можно быть почти русским?

И почесал в затылке: поскольку мимических усилий оказалось явно недостаточно, пришлось перейти к прямому массажу головы.

— Я из Москвы. — Кольдер поразмыслил, припоминая различные важные подробности и действующую легенду, после чего уверенно кивнул: — Да, я русский.

И хлебнул из стакана. Надеялся на ледяной чай с лаймом, а получил крепкую смесь на основе рома, но при этом остро пахнущую виски. Однако удивления сей факт не вызвал: в заведении настолько всё перемешалось, что аромат мог запросто идти из соседнего бокала. Или же вкусовые рецепторы настолько упились,

что отказывались выдавать правильные данные. Или же отказал обонятельный привод...

— За здоровье!

— За православное братство! — с энтузиазмом предложил Уэрбо. В его левой руке де Бер заметил бутылку коньяка, из которой здоровяк периодически «освежал» содержимое окрестных стаканов. — Русские и сербы — братья навек!

— Ты тоже русский? — Рикки громко икнул. Он был самым нестойким из присутствующих, а потому услышал фразу Уэрбо не полностью.

— Я — серб.

— Это как?

— Балканы.

— Я там не был.

— Ты ещё молод.

— Странное имя для серба, — заметил де Бер.

— Не страннее твоего, — не остался в долгу Уэрбо. — Вы в своей Костроме всех Кольдерами зовёте?

— В Москве, — меланхолично заметил Вернон. И постарался отодвинуть горлышко коньячной бутылки от своего стакана, но получилось только хуже: щедрая янтарная струя переместилась на брюки молодого Дракона.

— В Москве Кольдеров немного, — с внезапно накотившей грустью сообщил Кольдер. — И все мы теперь русские.

Несколько секунд Уэрбо молчал, с любопытством наблюдая за льющимся на бёдра Вернона коньяком, после чего осведомился:

— Что мы будем с этим делать?

А заодно попытался взять под контроль левую руку. И с горечью констатировал, что та часть мозга, которая обычно отвечала за управление конечностью, чрезмерно пропиталась алкоголем и перестала отвечать на запросы.

— Бухать будем, — обречённо выдохнул Рикки. — Твоё здоровье.

— Моё что?

— The health, — объяснил Вернон. — Now.

Уэрбо изумлённо вытаращился на молодого Дракона и почесал стаканом за ухом, пытаясь скомпоновать услышанное в осмысленное. Уставший Рикки созрел для продолжения и подставил под горлышко свой стакан. Кольдер попытался уронить голову на стол, но промахнулся.

Веселье уверенно двигалось к своему апогею.

Но вы ошибётесь, подумав, что начиналась вечеринка скромно. Всего два часа назад шум в заведении стоял не меньший, а может, даже больший, потому что...

- Восемь!
- Не восемь, а девять!
- Девять!
- Ставлю на здоровенного ещё триста!
- Кто из них здоровенней?
- Тот, что слева.
- Нет, тот, что справа!
- Я ставлю на того, кто победит.
- А кто победит?
- Здоровенный русский.
- Здоровенный русский брюнет?
- Здоровенный русский рыжий. Брюнет — Аэрба.
- Аэрба круче!
- Капитан Аэрба!
- Он не проиграет!
- Эрба-Эрба!
- Десять!
- Уже одиннадцать!

Одиннадцать «соточек» рома, сидя друг напротив друга, в прокуренной таверне на окраине Патайи. В одном из тех заведений... А может, просто: в единственном на весь курорт заведении «для своих», в котором никогда, ну или почти никогда не оказывались ищущие пошлых развлечений туристы. В таверне, где за нарочито грубыми столами переходили из рук в руки партии наркотиков, в задней комнате по-крупному играли в покер, девочки изумляли настоящей красотой, поскольку отбирались с предельным тщанием, а вежливые громилы на входе вежливо просили сдать стволы, потому что в приличных заведениях давно перестали сыпать пол опилками, а без опилок чертовски трудно отмывать кровь.

— Двенадцать!

Именно в этом заведении схлестнулись за барной стойкой двое белых (рыжий и чёрный) на предмет, кто лучше смыслит в правильном карибском напитке, что в переводе с поздневечернего на ранненочной означало «Определим, кто свалится первым?». Схлестнулись и немедленно занялись выяснением этого важнейшего вопроса... Ну, не совсем немедленно, если честно... Сначала, как водится, хотели немного подраться, даже за грудки схватились, но потом Вернон и Уэрбо почуяли встречную силу,

смерили друг друга выразительными взглядами, оценили сложение, оценили призывы охраны не увлекаться рукоприкладством и уселись на высокие табулеты. И были мгновенно окружены азартными посетителями.

— Тринадцать!

В каждом из соревнующихся футов по семь живого роста и фунтов по двести пятьдесят, не меньше, живого веса. Причём не жира, а костей, сухожилий и настолько рельефных мускулов, словно и Вернон, и Аэрба только-только сошли с плаката из серии: «Твой друг фитнес». И пусть на фоне Уэрбо рыжий русский выглядел юнцом — после восьмой «сотки» все поняли, что капитану достался серьёзный противник.

— Четырнадцать!

— Дальше наступит алкогольное отравление, — негромко произнёс сухонький, сложением похожий на тайца итальянец, которого окружающие почтительно звали «Дотторе». А судя по уважению, с которым на него смотрели завсегдатаи, специализировался этот доктор отнюдь не на венерических заболеваниях и вряд ли пользовал местных трансвеститов от гонореи и других производственных заболеваний.

— Не наступит, — уверенно ответил Кольдер, один из двух приятелей выпивающего Вернона. — Во всяком случае, не у моего друга.

Все русские были ржыми, как лисы, и крепкими, однако сложением двое Горностаев — Рикки и Кольдер, — недотягивали до здоровяка Дракона и на его фоне казались едва ли не хлюпиками.

— Вернон слишком молод, чтобы так пить.

— В молодости сила.

— У капитана Аэрбы большой опыт.

— Посмотрим.

— Посмотрим, — с усмешкой согласился Дотторе.

— Пятнадцать!

— Так мы до утра провозимся! — возмутился Аэрба. И вопросительно, но не очень уверенно посмотрел на Вернона. Ответный взгляд рыжего был преисполнен естественной в данной ситуации рассеянности. — Давай решим дело разом?

— Каким разом? — уточнил русский.

— По бутылке из горла! — провозгласил серб. — Кто останется на ногах, тот и победил.

— А если оба устоим? — Вариант, что оба упадут, рыжий самоуверенно не рассматривал. — Что тогда?

— Тогда объявим ничью! — вышел из ситуации Уэрбо. И обвёл присутствующих прищуренным, поскольку следовало навести резкость, взором. — Кто-нибудь ставил на ничью?

— Я, — подал голос старенький итальянец. И развёл руками: — Извините.

— Если мы останемся на ногах, вы победили, — предложил Аэрба. — Идёт?

Теоретически, конечно, «не идёт», но поскольку выигрыш мог достаться скромному Дотторе, желающих спорить не нашлось.

— Так и решим! Бармен! Два рома! — Пол-литровые бутылки подали незамедлительно, и Аэрба, распечатав первую, подмигнул Вернону: — Из горла.

— Я помню. — Рыжий тоже встал с табурета, пошатнулся, но удержался на ногах, ухватившись рукой за край столика, и довольно уверенным движением вскрыл свою дозу. — До дна.

— Естественно!

— Поехали!

И притихшая публика принялась внимать мерному бульканью. Вот ушла первая сотня граммов, вот треть бутылки, вот половина... Бульканье не умолкало, а соперники продолжали стоять на ногах.

— Они достойны друг друга, — с улыбкой произнёс Дотторе.

И эта фраза подвела под соревнованием черту.

— Он мне нравится! — в голос рявкнул здоровенный серб, хлопая уронившего бутылку Вернона по спине. — Аэрба!

— Верба?

— Аэрба! Капитан Уэрбо Аэрба!

Сочетание произвело на рыжего настолько сильное впечатление, что он рискнул уточнить:

— Пишется так же, как произносится?

— Смотря на каком языке.

— На суахили?

Конкретно в этот момент природная любознательность Вернона неожиданно пережила процесс удвоения.

— На суахили таких слов нет, — огорчил бывшего соперника Уэрбо. — А поскольку вы с друзьями — европейцы, я буду настаивать на правильном произношении: капитан Уэрбо Аэрба, эсквайр. Туземцам позволительно обращаться ко мне Эрба-Эрба, через дефис и почти слитно, но на то они и туземцы. — Покончив с представлением, серб тщательно обдумал происходящее и решил немного рассказать о себе: — Меня тут все знают.

Дотторе сопроводил заявление коротким старческим смешком, а вежливые тайцы — ничего не значащими улыбками.

— Вернон... — Парню финал грандиозного выяснения отношений дался чуть сложнее. — Вернон Венсон.

— Инглиш?

— Русский.

— То есть надо было пить водку?

— Сейчас мне нужна газировка, — не стал скрывать рыжий.

— Для короткого перерыва лучше пить кокосовое молоко, — безапелляционно сообщил Аэрба, приобнимая нового друга за плечи. — Чтобы в животе смешалась полноценная пино-колада.

— Что я с ней буду делать?

— Через соломинку...

Да, началось всё именно так.

Окончание соревнования отметили за барной стойкой, и для начала — без алкоголя. Вернон представил Рикки и Кольдера, Уэрбо вновь представил себя, чему все жутко обрадовались и попросили повторить на бис. За знакомство попили кокосового молока, потом жизнерадостно-жёлтого сока, потом добавили в сок немного джина, но только для того, чтобы сгладить приторно-сладкий вкус, потом в джин добавили мяту и лёд, потом долго и громко смеялись над анекдотом, который никак не заканчивался и неизвестно, о чём повествовал, потом из джина исчезли мята и вредный лёд, из-за которого всё кажется холодным и безвкусным. Потом была какая-то глупая пауза, во время которой никто никому и ничего не говорил. Потом неожиданно выяснилось, что Дотторе не только прекрасный человек и остроумный собеседник, но при этом замечательно лечит резаные раны, во всяком случае, повязки накладывает на удивление профессионально. Кольдер же в это время пытался объяснить, откуда у трёх напавших на него пакистанцев появились раны, но только всех запутал. Зато все запомнили, как молоденькая девочка целовала Кольдера в губы, а её «папик», местный босс средней руки, одобрительно кивал головой. На заднем плане Дотторе негромко велел «выбросить перевязанный мусор в переулок». Сигарный дым. Капитан Аэрба пляшет на барной стойке нечто, напоминающее канкан. Посетители в основном спят, но капитану зрители без надобности, ему достаточно аплодисментов от рыжих русских. Кстати, два друга Вернона, Рикки и Кольдер, не теряли времени даром, и теперь их состояние мало чем отличается от состояния Венсона и серба. И именно в таком виде компания отправляется гулять. А гулять

необходимо, потому что в кондиционированном воздухе бара случился недостаток кислорода и куда-то разъехались девушки, на которых имелись виды.

Тёплая тропическая ночь.

Бегут полицейские. Кольдер пытается объяснить случайно пойманному австралийцу, кто он и откуда. Австралийцу плохо, к тому же у него есть свой взгляд на то, кто он и откуда, да и ломаный французский, на котором изъясняется Кольдер, к взаимопониманию не располагает. В данный момент лингвистические способности австралийца близки к нулю. Остальные австралийцы бегут. Вернон и Аэрба кричат, что они ничего не делали. Рикки пытается уснуть под пальмой. Мимо него бегут таксисты. Полицейским, очевидно, надоело. Сигарный дым. Портье прячется под стойку. Друзья вваливаются в номер и замирают, судорожно пытаются припомнить, зачем они здесь.

Пауза.

И первым приходит в себя Аэрба.

— Вы тут живёте?

Рыжие русские начинают вразнобой вертеть головами, пытаясь уложить разрозненные признаки хоть в какую-то картину, после чего Рикки не слишком уверенно соглашается:

— Да.

— Да, — подтверждает Вернон, узнавший в валяющейся под креслом сумке свой рюкзак. — Да.

— Вместе живёте?

Сложные вопросы в это время суток не приветствовались.

— Э-э?

Рыжие головы потрепыхались ещё немного, после чего замерли в позиции «удивление».

— Что?

— Я, типа, ничего не имею против, когда это меня не касается, потому что толерантный, человеколюбивый и в детстве слушал «Queen», — немного непонятно произнёс Аэрба. — Но если всё так, как выглядит, то спать я пойду куда-нибудь ещё.

Что-то в номере ему явно не приглянулось. И примерно через шесть с четвертью секунд Вернон понял, что именно.

— У нас, типа, большая гостиная, а спальня у каждого своя, — сообщил он капитану. — Специально такой номер искали.

— Четыре комнаты, — добавил Кольдер. И для наглядности продемонстрировал Аэрбе пять растопыренных пальцев. — Четыре.

После чего увлечённо уставился на них, пытаюсь понять, что его смутило.

— Так веселее, — пояснил Вернон.

— Только с женщинами сегодня не получилось, — вздохнул Рикки.

— Тогда я лягу на диване. — Уэрбо покосился на светящееся за окном небо и уточнил: — Сразу после ужина.

И почесал правый бок упаковкой пива.

— После какого ужина? — не понял Кольдер, которого подмывало рухнуть прямо на пол и уснуть, не раздеваясь.

— Что за мешок? — осведомился Вернон.

— Купили по дороге.

Пауза. Очень простые ответы в это время суток тоже вызывали замешательство. Каждый из рыжих мысленно повторил фразу серба и попытался как-нибудь соотнести её с тем, что помнил из прошлой ночи. Не получилось ни у кого.

— Я не спрашиваю, откуда взялся мешок, — выкрутился Вернон. — Я спрашиваю, что в нём?

И принял гордую позу. Отчего едва не упал.

— Сначала было пиво, — вздохнул Кольдер. — Кажется.

— Кажется, он от нас убежал.

— Пиво?

— Если пиво, то убежало, — уныло уточнил Рикки. — Оно «моё», средний род.

— И ты ещё называешь себя чудом! — качнул головой Вернон. — Какая безграмотность.

— Он чудом называет себя русским, — выдохнул серб.

Рыжие вновь задумались.

— Я помню, как мы покупали мешок, но не помню, что в нём, — признался Кольдер. — Капитан торговался.

Покачивающийся Аэрба понял, что раскрыть его маленькую тайну не сможет никто, выдал хитрую улыбку и осведомился:

— Где ближайшая ванна?

— Там. — Вернон махнул рукой на общественную, то есть выходящую в гостиную, уборную. — Тошнить лучше в унитаз, а то горничные ругаются.

— Я не об этом.

Капитан уверенно двинулся в указанном направлении — сказывалась морская привычка брать правильный азимут, — пинком распахнул попавшуюся по дороге дверь, снял с плеча подозрительный мешок и на глазах у впавших в ступор рыжих высыпал в

ванную кучу необычайно подвижной еды. Креветки королевские, тигровые и обычные, мелкие, которые принялись немедленно проваливаться в слив. Крабы голубые и крабы серые, скалистые. Недовольные. Кальмары. Ничего не понимающие. Осьминоги. Устрицы, гребешки, бессчётное количество ракушек, изрядное — лангустов и, как венец, — четыре здоровенных лобстера, по паре футов каждый.

Вывалившись из тёмного мешка в белую ванну, еда сначала обалдела, а затем, едва обжившись, предприняла попытки удрать.

— Наверное, надо включить воду, — медленно произнёс Кольдер, разглядывая шевелящуюся в панике закуску.

— Вот это похоже на то, что я вчера видел в салате, — промямлил Вернон. — Но там оно выглядело более варёным.

— Меня сейчас стошнит, — признался Рикки. — Они мельтешат перед глазами.

— В унитаз, — машинально повторил Вернон.

— Надо включить воду.

— У вас есть кухня? — поинтересовался Аэрба.

— Кухня? — тупо переспросил Вернон.

— Kitchen. Küche. Cuisine. Cucina. Kuzhinë.

— Где-то внизу наверняка, — предположил Кольдер. — Вчера нам приносили еду.

— Это надо выбросить, — предложил оторвавшийся от унитаза Рикки. — Меня мутит, когда оно ползает.

— Не смотри в ванну.

— А если оно выползет на свободу?

— Это надо съесть! — решительно провозгласил Уэрбо. И напомнил обалдевшим рыжим: — Мы хотели попить пива.

— С австралийцами, — пробормотал Вернон.

— Нет, австралийцы знали, где его взять.

— Предлагаю начать с лобстера, — хмыкнул освоившийся Кольдер. — У кого есть зажигалка?

— Зачем?

— Надо его поджарить.

— Нам нужна скороварка.

— У вас нет кухни? — вновь поинтересовался Аэрба. — Китчена? Kitchen. Küche. Cuisine. Cucina. Kuzhinë.

— У нас не апартаменты, а пентхаус. Мы не варим, нас кормят.

Это заявление вызвало весьма презрительное замечание капитана:

— Изнеженные дети двадцатого века.

Уэрбо уселся на пол и вскрыл первую банку пива.

— Сейчас двадцать первый, — прохрипел Рикки. Унитаз ответил ему примерным бульканьем.

— Я бы сказал — пятый, — не согласился Кольдер, взглянув на часы.

— Пойдём купаться на рассвете?

— Где ты найдёшь сковороду в два часа ночи?

— В четыре.

— Кому нужны четыре сковороды в два часа ночи?

— Вы знаете телефон портье? — спросил хлебнувший пива серб. И элегантно броском отправил сплюсненную банку в ванну. Еда зашуршала активнее.

— Портье сбежал, когда ты стал на него кричать, — рассказал Вернон.

— Я кричал на портье? — изумился Аэрба. — На меня это не похоже.

— Ты не проходил в дверь.

— Ах да, чёртов мешок.

— Головой не проходил.

— Папа с мамой наградили меня хорошим ростом.

— Ты пытался пролезть под стойкой.

— Зачем?

— Возможно, ты догадывался, что нам понадобится портье, и решил прихватить его с собой.

— Вы посмотрели в мешке? — осведомился Рикки. — А то мало ли...

— Я видел, как он бежал.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо кивнул Уэрбо. — Теперь пусть он принесёт электрогриль, электрокастрюлю, килограмм лимонов, соль, перец, специи и ещё пива.

— Сейчас четыре утра, — простонал Вернон, которому показалось, что креветки уже присосались к его голове.

Или кто там присасывается?

— Логично рассуждаешь, — одобрил серб. — Скажи ему, чтобы поторопился, потому что через пару часов ужинать будет поздно. Тебе повторить список?

— Не надо... — Кольдер снял телефонную трубку, поднёс её к уху и лишь в этот момент остановился: — Откуда портье всё это возьмёт?

— В два часа ночи, — простонал Рикки.

— В четыре.

— Скажи, что капитан Аэрба просит об услуге, — безмятежно велел серб, вскрывая вторую банку пива.

— И что?

— И всё.

И всё, к огромному удивлению рыжих, нашлось. Точнее, отыскалось.

Уже через полчаса компания уютно расположилась на полу обширной, выходящей на море террасы. Слева — ведро с едой, справа — кастрюля с кипящей водой, в которую периодически влетала очередная порция закуски, чуть дальше честно трудился электрогриль, поджаривая шашлычки из креветок, кальмаров и осьминогов, впереди же устроились плоски с соусами и банки с холодным пивом. А за краем террасы и даже ещё дальше, далеко-далеко за пляжем, занимался роскошный тропический рассвет, раскрашивая океан и небо во все оттенки восходящего солнца.

И лучи солнца вырезают на лазурном небе чёрный абрис идущей из-за горизонта шхуны. И Рикки указывает на него рукой и говорит: «Красиво!», а остальные поддерживают младшего одобрительными возгласами, пьют и жмурятся.

— Красиво!

* * *

— Тебе страшно?

— Выкуп, — хрипло произнёс китаец, с надеждой глядя на Герро заплывшим глазом. Големы взяли пленника живым, но в горячке так приложили по физиономии, что след не сошёл до сих пор. — Я заплачу любой выкуп. Дам столько, сколько скажете. Не торгуюсь.

— Тебе страшно?

— Выкуп...

Нападение на «Сабину» произошло пять дней назад, и вот уже два, с тех пор, как из камеры увели последнего «компаньона», несчастный миллионер говорил только об одном:

— Назовите сумму выкупа: я заплачу.

— Тебе страшно?

— Выкуп...

Герро легко ударил китайца по щеке. Даже не ударил — пальцами обозначил жест, но пленник не сдержал короткий, полный боли возглас. И вздрогнул так, словно Луминар врезал ему каскетом.

— Я спрашиваю: тебе страшно? — резко спросил Герро, наклоняясь и подаваясь вперёд. На несколько ужасных мгновений их лица сблизились, красные глаза упёрлись в чёрные, от светлой, до белизны, кожи пахло морозом, и перепуганный миллионер кивнул:

— Очень.

Он всё ещё не понимал, кто с ним играет.

— Очень хорошо. — Капитан «Чёрного абриса» усмехнулся, выпрямился и провёл холодной рукой по волосам пленника. — Так и должно быть, потому что сегодня твой день, парень.

— Разве вы не знаете, как меня зовут? — Фраза «Сегодня твой день» была понята неверно, несчастный решил, что у него появилась надежда на спасение.

— Нет, не знаю. — Герро отстегнул кандалы от стены, ухватился за цепь и подтолкнул пленника к дверям. — Шагай.

— Вы не знаете, как меня зовут? — Несмотря на кошмарные обстоятельства, миллионер никак не мог справиться с удивлением. — Вы не знаете, кто я?

— И мне плевать.

Когда-то давно Луминар пробовал хранить и высушивать добычу в одном помещении: вдоль стен скованные пленники, а посередине — «кухонное кресло», в котором пища лишалась крови. Процесс высушивания стабильно вызывал у пищи бурные эмоции, позволяя Герро наслаждаться не только кровью, но и пронзительным, практически осязаемым ужасом обречённой, но ещё живой и всё понимающей добычи. Однако у объединения «столовой» с «кладовой» нашёлся существенный недостаток: многие пленные челы сходили с ума. Поначалу это развлекало, однако с возрастом высушивать идиотов стало противно настолько, что пару раз Герро даже выбрасывал свихнувшуюся пищу за борт. И теперь держал добычу в другом помещении.

— Я думал, вы захватили меня ради выкупа, — тем временем лепетал китаец. — Я ведь богат! Я несметно богат. Я — миллионер! Я стою очень дорого...

— Нет.

— Не выкуп? — Поскольку самый очевидный мотив не сработал, пленник тут же перешёл ко второму варианту: — Вам меня заказали? Чанг заплатил, чтобы меня убрать? Не верьте ему! Верьте мне! Я дам вдвое! Втрое!

«Ну почему у этих жадных челов всё всегда упирается в деньги? Почему они отказываются принять, что сами по себе тоже пред-

ставляют ценность? Что кому-то может понадобиться их тело... Или их кровь...»

— Никакой Чанг мне не платил. — Капитан открыл дверь и втолкнул жертву в «столовую». — Ты остался жив случайно: я велел захватить трёх любых челов, и одним из них оказался ты.

— О...

— Тебе страшно?

«Столовая» представляла собой небольшую, без иллюминаторов, каюту, обшитую потемневшими — причём не только от времени! — деревянными досками. Из освещения — одна-единственная лампочка, спрятанная за грязным толстым плафоном, защищённым проволочной сеткой. Из мебели — одно-единственное деревянное кресло в самом центре помещения. Из ароматов — только дерево и кровь. Герро обожал это смешение: дерево и кровь. И немного морской соли, куда же без неё?.. Но главное: дерево и кровь.

— Что вы собираетесь делать?

Ответа не последовало.

Вампир усадил китайца в кресло, быстро и ловко затянул металлические зажимы, надёжно зафиксировав жертве предплечья, лодыжки и туловище — Луминар терпеть не мог высушивать трепыхающуюся пищу, — вновь погладил посеревшего от ужаса миллионера по жиденьким волосам и осведомился:

— Тебе страшно?

Почему ему не давал покоя этот вопрос? Всё просто...

Всё просто и одновременно — сложно. Даже не то чтобы сложно, просто немного стыдно. Просто существуют простые вещи, в которых трудно признаваться.

Капитан Герро Луминар был масаном, а потому давно, с самого, можно сказать, рождения, привык, что в его присутствии тревожатся все, начиная от полевых мышей и заканчивая самыми сильными магами. Пища, что поделаешь! Общество ночного охотника давило на инстинкты обладателей тёплой крови, заставляло нервничать, а то и убегать, и только навы, тягучая кровь которых являлась для вампиров отравой, воспринимали его присутствие с понятным равнодушием. Все остальные тряслись от страха, если покончить с использованием дипломатичных определений вроде «тревожились» или «нервничали» и называть вещи своими именами. Всех остальных трясло, и Герро с рождения воспринимал их страх как должное. Однако присланный Яргой чуд оказался парнем с секретом: то ли отчаянным храбрецом, то ли конченным

безумцем, то ли и то, и другое вместе, да к тому же в больших количествах. Присутствие Луминара Винсент воспринимал по-наски: не боялся, не тревожился, оставался спокоен, словно учитель физики во время опытов Курчатов, да ещё поглядывал так, словно сам способен высушить Герро, если тот сдуру зазевается и подставится.

Старый Шарге был аномалией, и Луминар со стыдом признавался, что впервые в жизни тревожится в присутствии пищи.

Проклятый чуд!

Его присутствие на борту настолько выводило Герро из себя, что он, обычно весьма сдержанный в еде, высушивал пищу через два дня на третий, словно пытаясь забыть в свежей крови, отгородиться её силой от неприятного соседства.

— Тебе страшно, сволочь?

— Да, — не стал скрывать китаец.

— Громче!

— Да!

Несчастный понятия не имел, как закончили свои дни другие пленники, но догадался, что выйти из этой небольшой, пахнущей кровью и страданиями комнаты ему вряд ли доведётся.

— Пожалуйста, передайте моей маме...

— Заткнись!

Герро поднялся и медленно прошёлся вдоль длинной стены, пару раз оказавшись за спиной китаец и всякий раз наблюдая за тем, как тот вздрагивает от страха.

«Нет, так не хочу».

Поиграв на эмоциях жертвы и вдоволь насладившись её ужасом, Луминар неожиданно решил сменить линию поведения и разыграть внезапную атаку. Добиться того, чтобы жертва расслабилась, и лишь тогда нанести смертельный удар... А для этого нужно дать пленнику надежду. Пусть рассчитывает на чудо! Проклятое чудо... Проклятый чуд! Убить прямо сейчас!

Иглы удлинились, и вампир с трудом подавил желание броситься на пищу.

Проклятый чуд!

Герро перестал понимать, чего хочет. Близкая кровь расплаляла, требовала как можно быстрее приступить к трапезе, однако в голову непрерывно лезли мысли о Винсенте, придавая предстоящему наслаждению горький привкус.

Накинуться и убить? Потянуть время? Как же трудно принять решение...

— Что ты говорил о выкупе? — хрипло спросил вампир.

— А? — тупо отозвался пленник.

Страх парализовал его разум, и придётся крепко постараться, чтобы вывести китайца на вменяемый разговор.

— Я знаю, ты стоишь очень много денег, — мягко и неспешно продолжил Герро, следя за тем, чтобы смысл слов доходил до адресата. — Миллионов семьдесят, наверное, если состояние быстро обратить в наличные?

В действительности Луминар понятия не имел о состоянии владельца «Сабинь», ляпнул наугад, а тот поддержал:

— Да! Да! Семьдесят! — Впрочем, сейчас несчастный согласился бы с любой суммой. — Я соберу деньги... Мои люди соберут их за неделю! За пять дней!

— Пять дней, — протянул Герро, вновь выходя из поля зрения добычи. — Уже лучше...

На этот раз китаец вздрогнул едва-едва. Лучше, но недостаточно.

— А если я захочу половину? Тридцать пять миллионов, но камнями и золотом. Твои люди смогут уложиться в те же пять дней?

— Камни и золото? — туповато повторил китаец.

— Я не доверяю бумаге, на которой печатают цифры.

Пленник облизнул губы и прищурился, глядя на Луминара совсем другим взглядом — деловым. Разговор о деньгах быстро привёл миллионера в чувство.

— Золото и камни... Нужно добыть достаточное количество наличных, потом купить... Договориться... Мой сын сделает! Клянусь! Но не за пять... На такую операцию нужно не менее десяти дней.

— Я так и думал.

— Но я успею! Клянусь! Я успею! Мой сын успеет!

— Я думал, твой сын был на яхте.

— Младший был на яхте. — Как ни странно, воспоминание о погибшем родственнике не омрачило чело пленника. Сейчас он мог думать только о себе. — А старший с семьёй праздновал Новый год в Лондоне. Не смог прилететь...

— Хорошо, когда детей — несколько, — заметил Герро. — Один оказался везучим и теперь может поддержать тебя в трудную минуту.

— Верно.

— Десять дней?

— Возможно, чуть больше.

Луминар вновь зашёл добыче за спину, но на этот раз китаец остался абсолютно спокоен. Он был полностью поглощён важнейшими в жизни переговорами.

— Камни сын добудет без труда, у меня есть доля в нужном бизнесе. А вот золото придётся приобретать на подпольном рынке. К тому же возникает необходимость подтвердить, что я жив, что именно я прошу...

И в этот момент вампир вонзил в его шею иглы. И наслаждался не только кровью, но и резким, чистым, без всяких примесей страхом смерти. Тем самым, когда ничего не понимающая и позабывшая обо всём жертва внезапно видит смерть, и страх вызван ею, а не собственно убийством.

Герро обожал эти мгновения и именно этот страх. Он тонко чувствовал его, впитывая вместе с кровью, и ради этих мгновений сдерживался, до последнего успокаивая обречённую жертву. От поглощения дистиллированного страха смерти вампир испытывал необычайный, сравнимый лишь с оргазмом взрыв эмоций, жадно глотал каждую его капельку и...

И именно в это мгновение в «столовую» вошёл Шарге.

«Проклятый чуд!»

— Извини, не думал, что ты занят, — протянул остановившийся на пороге Винсент. Выдержал короткую паузу и шагнул внутрь: — Я подожду.

И тем поставил Луминара в идиотское положение. В «кухонном кресле» дёргается чел, в шее чела — иглы, капли крови пятнают одежду, а лёгкое, едва заметное рычание охотника пятает установившуюся в «столовой» тишину. Только что он был на вершине блаженства, наслаждался заслуженным, тщательно подготовленным красным, приятственным смещением аромата дерева, крови, соли и страха, а в результате — скомканный финал.

И спокойный, чуть насмешливый взгляд карих глаз чуда. Единственной, на памяти Герро, пищи, способной спокойно смотреть на процесс насыщения вампира.

— Прошу, не отвлекайся.

«Мерзавец!»

Удовольствие едва не сменилось отвращением, и Луминар принялся торопливо допивать — не высушивать, а прямо-таки высасывать жертву, — чувствуя, что насыщение обрамляется пашпарту чёрной злобы.

«Проклятый чуд!»

Нет, в первую очередь — гнусный Ярга, который из всех возможных помощников прислал на «Чёрный абрис» именно этого чуда, проклятого и проклятого Шарге, Гиллингемского Мясника, чьим именем масаны пугали детей по всему миру.

Историю Винсента знал каждый вампир Земли: полтора года назад старый Шарге ошибочно предположил, что масаны причастны к смерти его единственного сына Рудольфа и объявил ночным охотникам личную месть, не пропуская ни одного «похода очищения». То, что он творил, пытаясь отыскать виновных в гибели сына, заставляло бледнеть даже выдавших виды вампиров и морщиться назов, а апофеозом карьеры мстителя стал Гиллингем, тихий и уютный город, в котором намеревалась пересидеть очередную атаку на Лондон дружная семья кровососов Робене. Шарге взял трёх собственноручно изготовленных кукол, отправился в Гиллингем и истребил всех Робене. И то видео, которое он при этом снял, заставило верных Тёмному Двору масанов отказаться от всякого сотрудничества с психованным мастером големов. Ведь у нормальных, даже беспощадных, есть границы, за которые они по тем или иным причинам не переходят. Для Винсента же любые ограничения ушли в прошлое.

В конце концов, Шарге отыскал убийцу сына в самом Ордене, уничтожил магистра Саламандр и бежал, неведомым Герро образом оказавшись среди подданных Ярги. Принёс официальные извинения масанам и... И до сих пор оставался жив.

Нет, вампиры не забыли Мясника, просто опасались связываться со всемогущим Яргой, который высоко ценил гениального мастера.

«Ничего, сволочь, рано или поздно кто-нибудь из наших обязательно до тебя доберётся. И тогда...»

Луминар не обладал достаточной фантазией, чтобы во всех деталях представить себе, что случится «и тогда...», однако верил, что это будет необычайно долгая, болезненная и кровавая процедура, видеозапись которой порадует всю семью.

Китаец же, тем временем, иссяк. Слишком быстро и слишком просто. К тому же его одежда оказалась испачканной, хотя обычно Герро принимал пищу весьма аккуратно, оставляя шумное разбрызгивание крови на волнующий финал, которого сейчас, из-за присутствия проклятого чуда, не случилось.

Ни удовольствия, ни потакания инстинктам — ничего, кроме банального насыщения. Спасибо Мяснику.

— Вот и всё. — Луминар выпрямился, втянул иглы и без восторга посмотрел на Шарге.

Тот вежливо улыбнулся и нейтральным тоном осведомился:

— Команда не опасается?

«Ехидная сволочь!»

Однако ответил Герро спокойно:

— На «Чёрном абрисе» ходят только те, кто безоговорочно мне верит. Мои челы знают, что своих я не трогаю.

— Слышал, местные считают, что ты пожираешь трупы врагов, — небрежно заметил Шарге.

Он намеренно не использовал слово «тела».

— Я сам запустил этот слух, — с деланой вежливостью ответил вампир.

— Хотел нагнать страху?

— Не только... — Единственная мебель «столовой» была занята, поэтому собеседникам приходилось общаться стоя, глядя друг на друга поверх поникшей головы китайского миллионера. — В моей команде много ребят с совсем диких островов... Там ещё помнят древние традиции.

— Да, я слышал, что раньше местные широко практиковали трупоядение и с уважением относились к тем, кто... — Винсент пошевелил пальцами, делая вид, что подбирает нужное определение. — Кто таким образом якобы получает силу врага.

Чуд ведь не мог не понимать, что присутствием во время высушивания привёл масана в бешенство, однако не только досмотрел процесс до конца, но вёл теперь «светскую» беседу в таком ключе, словно никакого инцидента не было.

«Слухи не ввали — Мясник действительно конченный псих».

Которого обязательно нужно убить.

Герро ни в коем случае не переживал и не мечтал отомстить за павших от руки Винсента сородичей, однако присутствие Шарге нагоняло на ночного охотника такой страх, что другого способа избавиться от него Луминар не видел.

«А с Яргой я потом как-нибудь всё улажу... Наверное...»

— Тебе здесь нравится? — неожиданно осведомился чуд.

— Я тут дома, — машинально ответил Герро. После чего с заслуженной гордостью добавил: — И все обитатели южных морей так или иначе вынуждены со мной считаться.

— Тогда почему служишь Ярге?

Ещё один неприятный вопрос в лоб. И почему-то стало противно смотреть на высушенного чела. И кисло стало во рту, словно не кровью он только что наполнялся, а лимонным соком.

«Почему служишь?» И сразу же низвёл свободолюбивого капитана едва ли не до мелкого клерка.

«Не твоё дело!»

Но восклицание станет признанием. И промолчать тоже нельзя: чуд ждёт, если не ответить, Винсент запишет ещё одно очко в свою пользу, и потому вампир коротко бросил:

— Ярга меня нашёл.

— Полагаю, это было нетрудно.

— А ты остроумен.

— Только заметил?

— Не ожидал от Мясника.

Луминар впервые дал понять Винсенту, что знает, с кем имеет дело, и с любопытством ожидал реакции. И остался разочарован.

— Это потому, что за деревьями ты не видишь леса, — вздохнул чуд. — А за своей ненавистью ко мне... Кстати, совершенно иррациональной ненавистью, ведь лично тебе я ничего не сделал. Так вот, за своей ненавистью ко мне ты отказываешься видеть личность. Я для тебя — образ. Это, конечно, льстит, однако рабочим отношениям такой подход мешает.

«Что я сейчас слышу? Лекцию по выстраиванию рабочих отношений внутри корпорации?»

— А я для тебя кто? — поинтересовался вампир.

— Назначенный соратник, — тут же ответил Винсент. — И я, поверь, отношусь к нашему сотрудничеству профессионально.

— Конечно, это ведь ты резал масанов, а не наоборот, — не сдержался Герро.

— Я извинился.

— Гм...

Однако старик, как выяснилось, говорил серьёзно.

— И потому не понимаю претензий: твои сородичи не раз и не два имели прекрасную возможность убить меня, и я не виноват в том, что они этими возможностями не воспользовались. — Шарге помолчал, обдумывая свои слова, после чего легко рассмеялся: — Нет, соврал: пожалуй, именно я в этом виноват. Я убивал их быстрее и качественнее, чем они меня.

Это заявление Луминар не мог оспорить при всём желании.

— Думаю, Ярга специально свёл нас вместе, — продолжил тем временем чуд. — Решил посмотреть, как отнесётся к сотрудниче-

ству с Гиллингемским Мясником один из самых здравомыслящих масанов.

— Ради чего? — Лесть насчёт «самого здравомыслящего» Герро оставил без внимания.

— Ради того, что Ярга впервые в жизни формирует межрасовую армию и учится делать её монолитной, — охотно объяснил Винсент. — Ему нужны вы, армия вечно голодных кровососов, ему нужен я, гениальный мастер големов, вот он и экспериментирует.

— Я не подопытная крыса.

— Ага.

Одному Спящему известно, как же сильно наглый чуд доставал Герро. Особенно раздражало постоянно проскальзывающее высокомерие. И омерзительная привычка всегда считать себя правым тоже раздражала, приводя порой в совершеннейшее неистовство.

А ещё бесило то, как легко, без лишних просьб и вопросов, Шарге перешёл на «ты». Просто стал называть Герро на «ты», и всё, словно так надо. Луминар, разумеется, немедленно ответил тем же, однако именно ответил, стал говорить «ты» вторым, и это обстоятельство доводило вампира до белого каления.

В общем, если Ярга и в самом деле моделировал на них межрасовые взаимоотношения, то он выбрал не самые удачные образцы.

— Куда собираешься деть тело? — Винсент щёлкнул мёртвого китайца по лбу.

— Как обычно: отправлю в океан.

— А рыбаки не найдут?

Учитывая, что «Чёрный абрис» бросил якорь в виду Патайи, вопрос был вполне логичен.

— Мои ребята отвезут тело подальше, на большую глубину.

— Хорошо. — Герро вдруг подумал, что опять проигрывает диалог: он словно отчитывается перед чудом в своих действиях. И следующая фраза чуда тоже не порадовала вампира:

— Операцию проведём вечером, пора забрать нашего милого мальчугана из этого ужасающего гнезда порока.

— Парень действительно важен?

Вопрос вырвался сам собой. Луминару было неприятно признавать, что Ярга не полностью ввёл его в курс дела, ограничившись сухим «Я крайне заинтересован в объекте», но дальше терпеть не мог: он хотел знать подробности. И к некоторому его удивлению, ответ чуда прозвучал по-деловому, без намёка на издёвку:

— Наш объект — любимый племянник великого магистра де Гира. Похищением шенка Ярга намеревается подобраться к самой вершине Ордена.

* * *

Три весёлых молодца, Вернон Венсон, Ричард Феллоу и Кольдер де Бер дружили столько, сколько себя помнили, а себя они помнили, по орденским меркам, всего ничего: по двадцать три года на рыжую голову. Случилось так, что семьи их жили по соседству, в старом московском доме, в огромном дворе которого — а в детстве дворы обязательно кажутся огромными, ибо они и есть мир, — и познакомились трое пацанят. Сначала лежали в колясках, периодически наполняя окрестности весёлыми или жалобными воплями, потом окуппировали песочницу, храбро отбивая набеги чужой, не рыжей ребятни, потом оседлали велосипеды, зимой — санки и лыжи, играли в снежки, строили крепости, дрались, побеждали, проигрывали, стискивали зубы и шли дальше. В общем, всё, как было у отцов, чья крепость — горделивый Замок, — тремя высотными башнями поднималась неподалёку от двора, в самом начале проспекта Вернадского. И плевать мальчишкам было на то, что Рикки и Кольдер — Горностаи, а Вернон — Дракон. Плевать, потому что все они были чудами: рыжими, храбрыми, драчливыми и гордыми.

И ещё они верили в счастливое будущее.

Верили до тех пор, пока жизнь не преподнесла им пару уроков, доходчиво разъяснив дерзким пацанам, что сюрпризы бывают не только приятными.

В положенное время мальчишки — точнее, уже юноши — подали прошения о приёме в школу гвардии, каковые, в силу наличия у всех друзей магических способностей, были удовлетворены. Вернон, Кольдер и Рикки сделали первый шаг к исполнению заветной мечты всех пацанов Ордена — стать могущественным боевым магом. Стать защитником великой Чуди. Стать героем.

И даже первый, самый тяжкий год, который юные волшебники проходили в мастерской «козерогов», показался ребятам лучшим временем жизни. Да, их гоняли преподаватели, безжалостно отсекая тех, кто не сможет прорваться к цели вопреки всему. Да, над ними насмехались старшекурсники, выдавая их неопытность за глупость, а слабость — за бесперспективность. Да, они обзавелись

шрамами от драк и неудачных опытов. Но не сломались и не склонились. Вернон, Кольдер и Ричард показали, что в гвардию пришли будущие рыцари, и через год с гордостью сменили шапочки новичков на мантии полноправных студентов школы.

А ещё через месяц Рикки потерял сознание, наводя элементарный морок, и после тщательного обследования лучшие врачи мира — эрлийцы — вынесли юноше приговор: магический регресс, редчайшее генетическое отклонение, постепенно пожирающее природные способности к колдовству. Всего за четыре месяца Феллоу соскользнул с уровня «возможно командор» до нуля и лишился всякой надежды на военную карьеру.

Однако добрый нрав остался при нём.

— Вставайте, придурки!

— Мля, пасть закрой, кретин.

— Подъём!

— Кто-нибудь, убейте идиота.

— Хватит дрыхнуть, уроды!

— Что ему надо? — пробормотал Аэрба.

— Наши жизни, — глухо отозвался Вернон. Дракону казалось, что голову стискивают железные обручи. С гвоздями. Раскалённые. Приблизительно семьсот четырнадцать штук.

— В вашем друге совсем нет сострадания.

— Он ампутировал его в младенчестве.

— Когда вы спите, от вас сильнее пахнет!

Кольдер перекатился на спину, пару секунд разглядывал потолок, пытаясь сфокусировать взгляд на точечном светильнике, после чего простонал:

— В эту страну поставляется аспирин? Я куплю годовой запас...

— В такую маленькую голову годовой запас не влезет.

— Сейчас — легко.

— Выпей томатного сока.

— Ни слова о еде. — Вернон скопил глаз на зачесавшуюся руку и увидел, что его ладонь пересекает полудохлый краб. — У нас разбился аквариум?

— Я бы запомнил.

— Не хотите убивать его — убейте меня. И выключите, в конце концов, свет.

Каждый боролся с наступающим днём по-своему. Предусмотрительный Кольдер ещё с вечера раздобыл маску для сна и потому очнулся последним, ещё более сообразительный Аэрба залёг в гостиную, прямо под кондиционером, и кресла защитили его от жар-

ких солнечных лучей. Вернон под утро отправился в туалет, да там и продолжил сон, и только молоденький Рикки застрял на террасе, пережил все прелести тропического рассвета, потом тропического утра, потом тропического дня и, разбуженный ими всеми, отправился будить приятелей. Приблизительно в четыре пополудни.

— Хватит ныть! Мы на курорте! — Рикки включил телевизор. — Тут весело!

— Кто вы все и что делаете на борту? — осведомился Аэрба. — Пшли вон!

— Это наш номер, — буркнул в ответ Кольдер. И попытался завернуться в ночную маску.

— Ваша яхта? — переспросил серб.

— Наш номер.

— В гостинице, — уточнил Вернон.

— Тогда почему её шатает?

— Его.

— Я имел в виду гостиницу.

— А я — здание.

— Сейчас не важно.

— А я вообще ничего не имел в виду, — признался Кольдер. — Потому что тут очень странно, и нужно проделать дезинфекцию.

И уставился на диван, из-под которого торчали усы лобстера.

— Или детоксикацию, — предложил свой вариант Рикки.

— Или его, — согласился де Бер, пытаясь понять, действительно ли белые усы враждебно шевелятся, или в номер прискакала пушистая белочка.

— А здорово мы вчера отметили это, — громко произнёс Уэрбо и жестом предложил окружающим разделить с ним радость.

Вместо этого окружающие задумались, и думы их были тяжелы.

— Что именно мы праздновали? — осведомился Вернон.

— «Это», — повторил Кольдер с таким видом, словно попробовал единственное доступное объяснение на вкус.

— «Это» можно было и скромнее отметить, — язвительно выдал Рикки. — Без фанатизма.

— Может, «это» было нашим знакомством? — предположил Аэрба.

— В таком случае, мы будем дружить вечно.

— В таком случае от той девчонки у меня уже должны быть внуки, — выдохнул капитан.

— Ты настолько старый? — удивился Кольдер.

— В настоящее время мне приблизительно сто восемьдесят три года.

— Или похороните его, или пусть заткнётся. — Вернон судорожно потёр виски. — Кого мы послали за аспирином?

— А кто это?

— Аспирин?

— Нет, вот он. — Кольдер кивнул на Уэрбо. — Чернявенький.

— Наш друг. — Рикки зевнул. — Кажется.

— Капитан Аэрба, — сообщил Уэрбо, щелчком отправляя приبلудную криветку в дальний угол гостиной.

— Он думает, что мы — русские.

— Сейчас мы именно такие.

— К вашим услугам, молодой человек.

— Сам ты человек, — вздохнул Кольдер, желающий лишь одного: проснуться и понять, что предыдущее пробуждение было всего лишь ночным кошмаром.

— Согласен, православный брат, после вчерашнего нас стыдно называть людьми.

— «После вчерашнего»? Ты что-то вспомнил?

Аэрба запустил пятерню в чёрные кудри — жест показался чуждым знакомым, — и важно сообщил:

— Пока я вспомнил только то, что вы — русские.

— Уже немало, — язвительно прокомментировал Венсон.

Аэрба выдал относительно вежливую гримасу, огляделся и осведомился:

— Не вижу на рубашке пятен губной помады... Кто-нибудь в курсе, почему мы проснулись без женщин?

— Кажется, их забрали в полицию, — протянул Рикки. — Но я не уверен.

— В полицию? — удивился Уэрбо. — За что?

— За нас.

— Или они уехали.

— Теперь не важно! — провозгласил серб, без труда заглушая все звуки в радиусе двух миль.

— Убейте его, — вновь простонал Вернон. — Или убейте всех.

— Я знаю, где взять холодное пиво.

— В холодильнике, — проворчал Кольдер.

— Его там нет, — уныло вздохнул Рикки.

— Почему?

— Потому что вчера мы запивали им закуску.

◆◆◆◆◆

Де Бер вновь посмотрел на диван: торчащие из-под него усы злобно шевельнулись. Судя по всему, лобстер давал понять, что будет стоять насмерть. В смысле — прятаться насмерть. То есть скрываться... Но драка тоже возможна, если его потащат на свет... В смысле — на электрогриль...

— Кто там ломится в дверь? — болезненным тоном осведомился Вернон, среагировав на деликатный стук. — Горничная?

— Официант? — предположил де Бер.

— Полиция? — поделился грустными мыслями Феллоу.

— Это пиво, — широко улыбнулся Уэрбо. — Холодное пиво торопится в наши объятия.

— Пиво пришло, — меланхолично произнёс Дракон, нетвёрдо направляясь в свою спальню. — Впрочем, после ходячей закуски меня уже ничем не удивишь.

— Если пришло пиво, то включите кастрюлю, — потребовал Кольдер. — Я проголодался.

— Как ты можешь думать о еде? — простонал Рикки. И бросился в ванную комнату.

— В унитаз! — напомнил Аэрба, открывая дверь. — Я не ошибся: тут действительно пиво!

Холодные, потные банки, больше похожие на военно-морские снаряды с реанимационной жидкостью индивидуального пользования.

— Кто со мной? — Уэрбо уселся на диван и вскрыл первую банку.

Почти сразу же подтянулся Кольдер, а ещё через минуту подполз с трудом приходящий в себя Вернон.

— За второй день нашего тут пребывания.

— Угу... — вздохнул Дракон. — Надеюсь, он не окажется таким же суматошным, как первый.

— Приехали оттянуться? — с пониманием осведомился серб.

— Вроде того...

И тактично умолкли, одновременно поморщившись, услышав громкий звук: в ванной комнате шумел несчастный Рикки.

— Мы немного празднуем, — нехотя добавил де Бер, поскольку возникшая пауза показалась ему неловкой.

— Окончание школы? — усмехнулся капитан.

— Детского сада, — огрызнулся де Бер.

— А если серьёзно?

Чуды переглянулись.

Как рассказать дружелюбному знакомцу то, о чём рассказывать нельзя? Зачем дружелюбному знакомцу знать, что два дня назад Кольдер де Бер стал обладателем первого боевого магического титула — рыцарь-мститель и одновременно получил звание сержанта гвардии великого магистра? По этому поводу состоялась крупная вечеринка в Москве, после которой испросившие отпуск друзья отправились в весёлый Таиланд.

— Я продвинулся по службе, — скупο поведал Кольдер.

И сделал большой глоток пива. В ванной продолжало шуметь.

— Без обид, православный брат, но я думал, ты ещё учишься, — усмехнулся Аэрба.

— Выгляжу моложе своих лет.

— В твои годы это хорошо, а вот в сорок лет уже не очень.

— Тебе сорок? — удивился Вернон.

— Я тоже выгляжу моложе своих лет?

— Мне плевать, как ты выглядишь.

— Отличный ответ, — одобрил серб и вновь повернулся к де Беру: — Служба серьёзная?

— И секретная.

— Вопросов больше не имею. — Капитан сплющил в здоровенных ладонях опустевшую банку и осведомился: — Вам не кажется, что наше общество срочно требуется разбавить приятными женскими лицами?

— Для начала давайте просто прогуляемся, — пробормотал Дракон. — И может быть, даже искупаемся...

— Тоже неплохо, — оценил де Бер. — Рикки?

— Без меня, — донеслось из туалета. — Я неожиданно не в форме.

— Тебя подождать?

— Не надо.

— Почему ты не хочешь просто убить остальных? — поинтересовался Герро, наблюдая за спускающими шлюпку матросами. — К чему дурацкая шепетильность?

И Луминар, и Шарге могли за мгновение добраться до берега, однако не хотели привлекать внимание чудов магией и сделали выбор в пользу традиционного средства доставки. При этом новичок Винсент находил предстоящую морскую прогулку приятной, а давным-давно растерявший романтический настрой вампир — отвратной. И именно плохим настроением было вызвано недовольное замечание.

— Просто убить удаётся крайне редко, — менторским тоном ответил чуд. — Всегда случаются последствия.

— Какие могут быть последствия у старого доброго убийства? — хмыкнул вампир. — Похороны?

— Наши противники юны, но не слабы. Один из них имеет ярко выраженный уровень «командор войны», второй — «возможно командор», у них за плечами четыре года школы гвардии, и убивают они, ты уж мне поверь, умело.

— Да-да-да... — махнул рукой Луминар, усаживаясь на банку. — К тому же они твои сородичи.

— К тому же — да, — не стал отнекиваться Винсент.

— А Мясник ты только для чужаков.

— Именно.

И честный ответ в очередной раз заставил вампира удивиться: он не ожидал, что старик настолько легко раскроет карты.

Герро подождал, пока Винсент не окажется в шлюпке, и задал вопрос, едва она отошла от борта «Абриса».

— Ярга знает о твоём милосердии к своим?

— Разумеется. — Шарге позволил себе снисходительную усмешку. — Можешь уточнить у него самого.

Масан предпочёл пропустить колкость мимо ушей.

— И как он к ней относится?

— С пониманием.

— Что-то не верится.

— Наш господин пытается отыскать правильную линию поведения в отношении навов, — напомнил Винсент. — И мой опыт может оказаться полезным.

— Да, конечно.

— К тому же Ярга не настроен на полное уничтожение Ордена. В противном случае, наше сотрудничество не имело бы перспектив.

Со вторым аргументом вампир, поразмыслив, согласился, но расспросы тем не менее продолжил:

— Зачем тогда все придуманные тобой хлопоты? Почему просто не взять нужного щенка и не уехать? Или у «просто взять» тоже бывают последствия?

Задавая вопрос, Луминар морщился от летящих в лицо брызг: после захода солнца океан слегка разыгрался, и нос лодки то и дело таранил довольно высокие волны.

— Последствия бывают всегда, собственно, мы из-за них и забираем щенка — из-за нужных нам последствий, — вальяжно

объяснил Винсент. В отличие от масана, старому чуду нравилось чувствовать на лице морскую воду. — Что же касается остальных, то, оставляя их в живых, мы демонстрируем Францу де Гиру свою силу, и эта демонстрация тоже повлияет на последствия. — Пауза. — В нужном нам ключе.

— Всё так сложно.

— Ничего сложного, если подумать.

— Куда уж мне думать, — развёл руками вампир. — Я ведь пушечное мясо.

— Тогда не думай.

— Давай ты перестанешь хамить?

Яростный взгляд красных глаз Герро мог напугать любого чуда, но только не сумасшедшего Мясника. Который с абсолютным спокойствием отнёсся к весьма агрессивному жесту Луминара: резкому повороту и обжигающему взгляду.

— А ты перестань заниматься ложным самоуничижением, — с прежней расслабленностью в голосе посоветовал вампиру Шарге. — Тебе не идёт.

— Не поверил в моё самоуничижение?

— Я никому не верю.

— Даже Ярге?

— Мы оба знаем, что Ярге необязательно верить, — помолчав, ответил Винсент. — Ярге нужно подчиняться.

— Никогда!

— Что «никогда»? — не понял Вернон.

— Не смешивай пиво с водкой, а виски с портвейном? — предложил свой вариант Кольдер.

— Откуда ты знаешь, что напитки на «в» и «п» несовместимы? — удивился Аэрба. — Это откровение осеняет мужчину не раньше чем в тридцать лет.

— У меня была бурная молодость.

— У нас, — добавил Вернон.

— Ах да, вы ведь русские... — кивнул капитан. И вернулся к тому, с чего всё началось: — Никогда!

— Никогда не плати женщинам?

— Наивный мальчик.

— Никогда не давай в долг?

— Уже лучше.

— Никогда не занимай у шасов, — брякнул Дракон.

— Что? — удивился Уэрбо.

— Мы сдаёмся, — поспешил перехватить инициативу Кольдер. — Что, по-твоему, никогда не следует делать?

Несколько мгновений здоровенный серб переводил внимательный, но уже несколько пьяный взгляд с одного собеседника на другого, после чего тоном, каковым обычно выдают государственную тайну, произнёс:

— Никогда не забывайте о главной цели.

Пару секунд Дракон и Горностаи пытались со всем возможным в данных обстоятельствах тщанием переварить свалившуюся на них мудрость, после чего де Бер вежливо брякнул:

— Удивительный совет.

А менее дипломатичный Венсон рубанул с плеча:

— Дедушка вчера крепко перебрал, вот и потянуло на вечные истины.

— Ты кого старым пнём назвал, молокосос? — возмутился Аэрба.

— Я ведь в шутку, — пропищал молодой Дракон, но при этом он и в самом деле не хотел скандалить с могучим сербом.

— Один мой хороший знакомый из Сибири в шутку подбрасывал обидчиков на три-четыре ярда вверх и забывал ловить, — сообщил Уэрбо, выразительно глядя на Венсона.

— Прыжок с высоты три ярда способен совершить даже учащийся младшей школы, — не остался в долгу тот.

— Мой хороший знакомый из Сибири тщательно следил за тем, чтобы подбрасываемый возвращался к земле головой вперёд, — уточнил капитан.

Данная поправка всё изменила.

— Полагаю, я должен извиниться? — осведомился Вернон.

— Было бы неплохо.

— Извини.

— О чём разговор, брат? — расцвёл в улыбке Аэрба. — Это женщины стесняются возраста, мужчины же своими годами гордятся. И мне приятно слышать в твоём голосе нотки сыновьей почтительности.

— Ага, — кивнул Дракон, не желая развивать тему уважения к старости. — Всё именно так и есть.

И с достоинством выдержал испытующий взгляд капитана.

Далеко от гостиницы приятели уйти не смогли, застряли в паре кварталов, в уютном, хоть и немного шумном ресторанчике, открытая веранда которого выходила прямо на море. Закат случился совсем недавно, однако тропическая тьма уже окутала мир, рас-

цветилась яркими огнями, наполнилась гомоном тысяч разговоров, музыкой, смехом и жужжанием моторов.

В маленьком городе, которому некогда спать, курортный день сменился курортной ночью.

— Как вам те девочки? — Аэрба едва заметно кивнул на шумную компанию из пяти молодых особ. — Выглядят весьма достойно.

Игривые наряды скрывали загорелые тела прелестниц, оставляя, однако, большой простор воображению.

— Их на одну больше, чем нужно, — заметил Кольдер. И немедленно укорил себя за длинный язык.

— Не волнуйся, православный брат, я возьму на себя лишнюю, — самодовольно произнёс ехидный серб. — А если заглохнешь, помогу и тебе.

— Э-э... — Из всех возможных ответов в голове де Бера вертелись исключительно нецензурные, вот и пришлось тянуть спасительное: — Э-э...

— Твои подружки флиртуют вон с теми парнями, — спас положение внимательный Вернон. — И, как мне кажется, ко взаимному удовольствию.

— Отлично! — прищурился Уэрбо. — Это австралийцы.

— Что в них отличного?

— Немцы тут, в основном, старичьё, — объяснил серб, залпом махнув свою порцию виски. — Англичане сразу убегают, американцы баррикадируются в ближайшем туалете и зовут полицию, и только австралийцы поддержат хорошую драку, соберись мы слегка размяться перед приятным вечером с приятными девочками.

— Ты только что говорил, что нельзя забывать о главной цели.

— Наша главная цель — как следует отдохнуть и развеяться. — Капитан целеустремлённо улыбнулся и уточнил: — Или у тебя для каждого вечера припасена только одна забава?

— Это у тебя припасены забавы, а я могу и просто так отдохнуть, — ворчливо ответил Кольдер, у которого только-только прошла голова.

— И что потом будешь рассказывать внукам?

— Всё, что угодно, поскольку они у меня будут. А в твоём случае возможны варианты.

— Зато если они будут, то старенький, завёрнутый в плед дедушка не будет им лгать о своей бурной молодости, — заявил

Аэрба и размял пальцы, бросив на приятелей выразительный взгляд: — Вы со мной?

— Подожди секунду, — неожиданно попросил Кольдер и резко повернулся в сторону улицы.

— Что? — подобрался Вернон. Он знал, что у Горностая гораздо лучше развито боевое предчувствие, вот и насторожился, увидев характерный «особый» взгляд друга.

— Что случилось? — осведомился серб, удивлённо изучая изменившиеся лица рыжих. — Изжога?

— Странное чувство, — медленно ответил де Бер, продолжая аккуратно сканировать окрестности. — Оно иногда на меня накатывает.

— Какое чувство? — продолжил расспросы любознательный Уэрбо. И налил себе ещё. Чтобы официант не тратил время на лишние пробежки от бара к столику, друзья заказали сразу бутылку.

— Чувство, как будто здесь кто-то есть...

— Здесь полно народу.

— Кто-то лишний...

— Кого ты чувствуешь? — прямо спросил Вернон. Через мгновение сообразил, что фраза для постороннего прозвучала довольно странно, и бросил Аэрбе: — У моего друга сильно развита интуиция.

— Такое бывает, — согласился серб, вливая в себя порцию вместе со льдом.

— И сейчас она ему подсказывает...

Закончить невинную ложь Венсон не успел: одна из давешних девчонок неожиданно развернулась, вскочила со стула и бросилась на капитана, неумело, но яростно пытаясь ткнуть его ножом для моллюсков.

— Чёрт!

Несмотря на абсолютную неподготовленность атаки, Аэрбе едва удаётся уклониться. Он выбивает оружие из девичьей руки, толкает нападавшую в грудь, после чего заглывает едва не застрывший в пищеводе лёд и ревёт:

— Что происходит?

Вторая девчонка швыряет в Кольдера тарелку, третья бьёт его стулом, четвёртая виснет на Верноне, а пятая швыряет бутылку в серба. Происходящее кажется смешным и уж всяко странным.

— Они спятили? — Уэрбо уклоняется от бутылки, отбирает стул у третьей, а саму девчонку сажает на соседний столик, вызы-

вая ещё одну порцию звона разбитой посуды и воплей недовольных посетителей. — Ты чего нанюхалась, дура?!

Дура вынимает из-под себя солонку и атакует ею.

— Они себя не помнят, — пытается объяснить де Бер, но из-за летающих тарелок получается невнятно.

— Что? Чёрт!!!

Аэрба вновь отталкивает первую девицу, на этот раз уже не церемонясь, одновременно говорит с Кольдером и потому пропускает мощный свинг правой в лицо и остаётся на ногах, лишь благодаря могучей стати и необычайной выносливости.

— А ты откуда взялся?

Австралиец пытается повторить удар, но капитан, несмотря на шум в голове и пятую девчонку с очередной бутылкой, успеваает принять меры.

— Вот тебе!

Прямой встречный отправляет бегущего в атаку австралийца в сторону кухни, а его приятелю достаётся ногой в живот.

— Она меня укусила! — Вернон отрывает от себя четвёртую и, поколебавшись, швыряет её за перила.

Он думал, что под верандой располагается пустынный пляж, и сильно удивляется недовольным воплям потревоженных.

— Они себя не помнят! — вновь подаёт голос Кольдер. Для капитана, разумеется, поскольку Дракон уже сообразил, что происходит: разум окружающих находится под полным контролем сильного ночного охотника.

— Бандиты! — визжит девица, та самая, которую Уэрбо отправил на соседний столик. — Спасите!

Австралийцы бросаются на Аэрбу. Австралийцы мужчины, и этот факт позволяет чудам отжаться драке полностью, не думая, что им приходится сражаться с хрупкими женщинами. Вернон, как истинный Дракон, немедленно присоединяется к потехе, и через мгновение приятная открытая веранда превращается в поле боя: в воздухе парят столики, скатерти, бутылки, тарелки, ножи и попавшие под удар австралийцы. Серб и чуд рубятся по-настоящему, всерьёз, наглядно демонстрируя туристам с Зелёного континента превосходство профессиональной подготовки перед любительскими занятиями боксом, и результат не заставляет себя ждать: австралийцы ложатся, посетители бегут.

— Да!

А Кольдер, которого надёжно прикрывает Вернон, наконец-то замечает врага: невысокую фигуру в чёрном. Чёрная футболка,

чёрные брюки, чёрные кроссовки, чёрные волосы и белая, болезненно белая кожа. И красные глаза, которые Горностай разглядел даже со ста ярдов.

— Масан!

Крик вырывается против воли, но на него не обращают внимания, поскольку одновременно слышится другое:

— Полиция!

— Мля! — рычит Кольдер. — У них пистолеты...

— Не волнуйся, нас не тронут, — усмехается Аэрба. — Меня тут каждая собака знает! И уж тем более — каждый коп!

И ошибается, потому что подбежавшие к ресторану полицейские выхватывают оружие и открывают огонь по оставшимся на веранде людям.

— Мля!!

Не в воздух стреляют, не поверх голов, а именно по людям, старательно выцеливая троих друзей.

— Они тоже спятили!!

— Бежим!

Спасти их удалось только потому, что полицейские заторопились. Управляющий ими вампир слишком уж возжаждал крови, или просто слупил, или побоялся, что чуды и Уэрбо сиганут через перила, уйдя от выстрелов в тропическую тьму пляжа — в общем, поспешил. Не владеющие собой копы открыли пальбу издалека, усугубили панику, показали троице, что нужно отступать другим путём, и те действительно сиганули через перила, хотя изначально не собирались. Но и задерживаться на пляже не собирались тоже — не бежать же вдоль берега, рискуя нарваться на другой патруль.

— Сюда! — Аэрба припускает вперёд, торопясь влететь в шумную толпу отдыхающих, которые, возможно, и слышали выстрелы из ресторана, но не придали им особого значения. — За мной!

— Стой!

— Кольдер!

— Это он!

Масан в чёрном появляется вдруг, видимо, понял, куда направляются беглецы, и рванул наперерез порталом. Повезло или рассчитал, сейчас не важно, сейчас важно то, что масан оказывается на пути Аэрбы и взмахивает катаной в тот самый миг, когда де Бер орёт: «Это он!» И время словно замирает. Без аркана, просто замирает, позволяя всем участникам как следует понять происходящее, в деталях разглядеть и запомнить это мгновение.

Дракон удивлён. Это всё, что он успевает, — удивиться. Даже не так: Вернон успевает начать удивляться. Его брови ползут вверх, глаза расширяются, а рот открывается, собираясь породить крик.

Растерянность Дракона едва не становится фатальной, поскольку серб тоже не успевает. С реакцией у него всё в порядке, с выучкой тоже, но масан банально не оставляет Аэрбе времени, начиная рубить прямо в момент появления. А скорее всего — ещё в портале. Такая атака возможна и весьма эффективна, если очень точно навести магический переход на цель.

— Нет!

И героем мгновения становится Кольдер. Не то чтобы он ждал нападения именно сейчас, просто он практически не принимал участия в предыдущей стычке, не горячился и сохранил необходимое для боя с масаном хладнокровие.

— Нет!

Масан улыбается, катана летит к шее Уэрбо, Уэрбо ничего не понимает, Вернон планирует крикнуть, а де Бер бьёт голой рукой в клинок, сбивая его с истинного пути. Масаны быстры, но чуды тоже не лыком шиты, и тонкий меч со свистом рубит воздух. А ошарашенный вампир теряет равновесие и едва не падает.

— Мля! — это вопит Дракон.

— Мля! — вторит ему всё ещё живой капитан Аэрба.

С пальцев де Бера соскальзывает раскалённая до голубизны молния «Эльфийской стрелы», но удар проходит мимо цели, потому что...

— Мля! — рычит ругательство масан и растворяется в следующем портале.

«Стрела» бессмысленно вгрызается в стену дома, а прыгать за врагом в переход Кольдер не рискует. Поворачивается к приятелям и слышит:

— Потом расскажешь! — Уэрбо вбегает в ближайший переулочек и хватает первый попавшийся скуттер — вокруг полно всевозможных заведений, и машины в переулочке припаркованы в несколько рядов. — Нужно бежать!

— Нужно предупредить Рикки, — с неожиданной рассудительностью произносит Вернон, и Кольдер холодеет.

От очередного предчувствия.

Телефон зазвонил в то самое мгновение, когда Винсент вошёл в лифт. Чуду понадеялся, что пребывание в бетонном колодце заглушит сигнал, но ошибся: то ли шахта лифта оказалась брако-

ванной, то ли владельцы отеля вставили в неё дополнительный ретранслятор, но связь не прервалась, и Шарге пришлось выслушать доклад вампира:

— Всё получилось так, как ты хотел: они решили, что нападение настоящее и я действительно вознамерился их убить.

— Испугались?

— В меру.

— Поверили, что спаслись исключительно благодаря своему мужеству?

— Наверняка.

— Вот и хорошо, — усмехнулся чуд, собираясь заканчивать разговор. — Люблю, когда всё развивается по плану.

— Не всё, — протянул Герро. — Сопляки развлекались в компании моего старого недруга.

— На твоих недругов мне плевать. Убил его?

— Хотел, но, к сожалению, не смог... — Вампир поколебался, думая, признаваться в поражении или нет, решил не признаваться и браво закончил: — Иначе пришлось бы покалечить одного из твоих сородичей.

— Тогда бегом в отель, — велел старик. — Сюда они вернуться обязательно, и ты доберёшься до своего Аэрбы.

Шарге намеренно продемонстрировал, что знает ненавистное масану имя, и его намёк был услышан.

— Когда всё закончится, нам придётся плотно поговорить, — предупредил Луминар.

— Знаю.

— И всем будет лучше, если я сумею добраться до мерзавца.

— Ага.

— Буду через пять минут.

— Договорились.

В отличие от напарника, Винсент иллюзий не питал: все арканы предвидения, что легли в основу проделанных им расчётов перспектив боя, показали, что смерть странный враг Луминара примет где угодно, только не в Патайе.

— Я заберу щенка и уйду. Что будет дальше — твоё дело, но де Бер и Венсон не должны пострадать.

— А это уж как получится, — хохотнул вампир.

— Я предупредил.

Ждать ответа Шарге не стал: вернул телефон в карман и пинком распахнул дверь в номер. Предварительная проверка показала, что охранные или защитные артефакты отсутствуют, вот старый чуд и

решил не стесняться: вломился и... И едва не погиб. Горностаи не отличались силой Драконов, выносливостью Саламандр или скоростью Мечей, зато могли похвастаться спокойствием и выдержкой, так необходимыми настоящим стрелкам. Лучшим стрелкам Ордена.

— Ха!

Шарге высадил дверь, а в следующий миг лишь экстраординарная реакция опытного мага спасла его от пули. За те секунды, что полотно летело с петель, Рикки не только успел выхватить оружие, но и открыть огонь.

— Дерьмо!

— Получи!

Ещё две пули должны были ворваться Винсенту в грудь, однако он успел укрыться за стеной и уже оттуда прокричать:

— Ты всё равно не уйдёшь!

Убедившись, что молодые чуды не позаботились об артефактах, Шарге накрыл номер своим заклинанием, препятствующим созданию порталов. И «Дырка жизни», которую Рикки отчаянно пытался активизировать последние несколько секунд, не срабатывала.

— А ещё нас никто не слышит и не видит! Так что на полицию не рассчитывай!

— Кто ты? — Феллоу догадывался, что атаковавший его маг не лжёт: их действительно никто не слышит и не видит, но при этом понимал, что долго так продолжаться не может, а значит, любая затяжка времени играет в пользу обороняющегося.

— Твой друг.

— Неужели? — удивился Рикки.

— Твой будущий друг! — уточнил Винсент.

И с улыбкой принял нахальный ответ:

— Мама учила меня не дружить с покойниками.

— Я ещё жив.

— В ближайшее время я постараюсь это исправить.

«Маленький, а наглый!»

На самом деле затягивание разговора было на руку Шарге. Поскольку ворваться в номер с лёту не получилось, старый чуд приступил к «плану Б»: достал крупный красный камень в чёрной оправе, прошептал заклинание, осторожно выглянул из-за угла, остался жив после очередного выстрела, торопливо завершил активацию и швырнул «подарок» в гостиную. Прислушался, ожидая

хоть какой-то реакции на появление голема, а затем резко бросился вперёд, наплевав на опасность поймать пулю.

— Стоять!

Поняв, что магическим способом из номера не выбраться, Рикки рванул на террасу, намереваясь спуститься этажом ниже и уйти через соседний номер. Спортивная подготовка позволяла ему надеяться на благоприятный исход задуманного, однако посланный Винсентом голем успел вцепиться парню в ногу и помешал перелезть через перила.

— Стоять!

Феллоу вскинул пистолет, но тот же голем не позволил ему выстрелить: удар снизу, резкий рывок — и вот они уже катятся по полу, прямо к ногам улыбающегося Шарге.

— Что это было? — осведомился Аэрба. Во избежание ненужных недоразумений, украденные скуттеры они бросили в квартале от отеля и теперь быстрым шагом, а точнее — лёгким бегом, направлялись к главному входу, торопясь как можно скорее добраться до номера. — Почему они на нас напали?

— Массовый психоз? — предположил Кольдер.

— Или помутнение какое? — поддержал друга сообразительный Вернон. — Луна сегодня полная? Кто видел?

Но задирать голову в поисках спутника капитан не стал, его интересовали прикладные вопросы:

— Почему это психическое помутнение было направлено против нас?

— Потому что мы слишком хороши для этой толпы.

— Точно! — расхохотался Уэрбо. — Как я сам не догадался? — И тут же вновь стал серьёзным: — Ты кричал, что они не в себе.

— Тебе показалось иначе? — спокойно ответил де Бер.

— Мне вообще ничего не казалось, — не стал скрывать серб. — Я просто дрался. А вот ты пришёл к какому-то выводу.

Ну не рассказывать же пыливому капитану, что масаны способны брать под контроль живых существ и заставлять их делать всё, что угодно? Нет, рассказать, конечно, можно, только потом придётся потратить пару-тройку дней на разъяснения, дополнения и доказательства. Иначе кто в наши дни поверит в существование вампиров?

— Мне показалось, что они под наркотой и не соображают, что делают, — медленно ответил Кольдер. — Вот я и предупредил, чтобы вы их не убивали.

— А-а... — По выражению лица Аэрбы было видно, что он не особенно удовлетворён услышанным, однако не желает тратить время на уточнения. — Какие планы?

— Нас наверняка уже ищут, — рассудительно бросил Вернон. — Так что планы у нас вполне конкретные.

— Забираем Рикки и уезжаем, — закончил за друга Кольдер.

— Смагиваетесь после одной-единственной драки? — изумился Уэрбо. — Вы серьёзно?

— А что остаётся?

Де Беру было неприятно выглядеть трусом, но он понимал, что другого выхода нет: присутствие опытного, сильного и агрессивно настроенного вампира путало все карты, и чем быстрее они окажутся подальше от него, тем лучше. Все они, включая Рикки. Затем последует звонок в Орден с докладом о нападении и появление в Патاية санитарной команды из Тёмного Двора.

— Насчёт полиции, кстати, можете не беспокоиться, — произнёс Аэрба, входя в лифт. Портье сегодня был другим, но, судя по взгляду, которым он сопроводил компанию, коллега в красках описал ему, на что способны обитатели пентхауса. — Полиция нас не ищет.

— Уверен?

— Помните Дотторе? Мы с ним хорошие друзья, так что о драке в ресторане можно забыть — её не было. А если и была, то там дрались не мы.

— Дотторе настолько крут? — удивился Венсон.

— Он просто хороший человек, и люди к нему тянутся. Я знаю его шесть лет, и за всё это время...

— Тихо! — Створки распахнулись, и первое, что увидел Кольдер, была сломанная дверь в номер. — Чёрт!

— Дерьмо! — добавил свой комментарий Вернон.

А на кончиках пальцев его левой руки появились призрачные искорки — предвестники «Шаровой молнии», которые Аэрба, к счастью, не заметил.

— Что происходит?

— У Рикки проблемы, — отрывисто бросил Кольдер.

— Это я вижу. Но хотелось бы...

— Объяснения потом! — Де Бер кивнул другу: — Приготовились...

Вернон ответил тем же, а искорки на левой руке, которую он старательно закрывал от капитана телом, стали заметнее.

— Входим!

Насторожённый Дракон шагнул в гостиную, равно готовый и атаковать, и защищаться. Тонкий Горноста́й взял правее, в случае чего он мог поддержать друга с фланга, но предчувствия молчали, и через пару мгновений Кольдер с сожалением понял, что в предосторожностях особой необходимости нет: они опоздали.

Следы борьбы — кроме выломанной двери и пулевых отверстий в стенах, — отсутствовали, в гостиной порядок, даже мебель не перевернута, но Феллоу исчез.

— Мы идиоты, — сплюнул де Бер. — Мы — тупые, конченные идиоты. Придурки!

— Рикки был целью, — вздохнул Вернон. — Мля, наш Рикки был целью!

И пнул ногой диван, из-под которого по-прежнему торчали усы несъеденного лобстера.

— Рикки — важная шишка? — осведомился серб.

— Достаточно важная, чтобы заинтересовать похитителей, — честно ответил Кольдер. — Рикки — племянник очень могущественного... человека.

— А вы его телохранители?

— Нет.

— Мы — его друзья, — веско произнёс Венсон.

— Тихо!

На этот раз присутствующие отнеслись к резкому окрику де Бера с гораздо большим вниманием. Жёсткий голос и тот самый «особый» взгляд заставили Аэрбу и Дракона молниеносно собраться, изготовившись к сражению.

— Он снова тут?

— Да.

— Я никого не вижу, — спокойно докладывает Вернон.

— Я тоже, — на всякий случай докладывает серб.

— Он рядом... — шепчет Горноста́й. — Он строит аркан...

— О чём вы говорите? — едва слышно спрашивает Аэрба.

— Не «о чём», а «о ком», — поправляет его Дракон. Венсон знает, что трепаться в преддверии драки — не лучшая идея, но отвечает, поскольку болтающий Уэрбо лучше неподготовленного. — Где-то рядом находится тот, кто напал на нас в ресторане.

— Парень в чёрном?

— Да.

— Откуда вы знаете?

— У Кольдера сильно развита интуиция.

— Ах да, ты рассказывал. — Серб хитро улыбается, и в его руке появляется классический «кольт»-1911. — Посмотрим, как наш любитель чёрного отнесётся к разрывной пуле в голову.

— Откуда оружие? — удивляется Венсон.

— На улице подобрал.

— Я серьёзно.

— Оно всегда при мне.

— Не видел.

— И не должен был.

— Вер, в моей спальне на комодке стоит сумка, в ней есть «Протуберанец», — негромко произносит Кольдер. — Прямо сейчас.

— Понял.

Дракон делает шаг к нужным дверям, но замирает, остановленный подозрительным шорохом.

— Что это?

— Пока не знаю, — отзывается де Бер, а в следующий миг по его губам скользит усмешка: — Зверёк очнулся. — Из-под дивана медленно выползает избежавший гриля и кастрюли лобстер. — Привет, бедолага.

— Нехарактерное поведение, — негромко произносит Аэрба.

— Что?

— То...

Забавный лобстер вцепляется клешнями в ногу оказавшегося поблизости Дракона.

— Чёрт!

— Это он! — орёт Кольдер, одновременно проклиная себя за глупость. — Это снова он!

Крик смешивается с грохотом трёх выстрелов: Уэрбо молча расстреливает не помнящее себя ракообразное. Но сразу после экзекуции не удерживается от главного вопроса дня:

— Что происходит?

Сообщить капитану о том, что речь идёт об отвлекающем маневре, де Бер не успел. Да и смысл в дополнительных объяснениях отсутствовал: серб сам обо всём догадался, не маленький. А если и не догадался, то первый же удар масана с предельной точностью описал Аэрбе происходящее. Клинок должен был отсечь капитану голову — это был излюбленный удар вампиров, — и помешал ему лишь вовремя подставленный «кольт». Сталь звякнула о сталь, хрип смешался с руганью, катана вновь взлетела вверх, стремительно планируя второй удар, и тут в сражение вмешался Горностая.

— Ха!

Это был не смех, а выдох.

В те доли секунды, которые у него были, Кольдер успел проанализировать ситуацию и принять единственно правильное решение: не атаковать, а защищаться. И потому сформировал клинок, а не пустил в масана «Эльфийскую стрелу».

— Ха!

Длинный чудский кинжал отбивает удар катаны, второй рукой де Бер отталкивает Уэрбо в сторону, отбивает следующий выпад масана и сам переходит в атаку. Идёт вперёд клинком, поскольку времени на аркан сверхбыстрый вампир не оставляет.

— Ха!

Звон стали, хриплое дыхание, яростные взгляды. Масан изгибается, демонстрируя потрясающее мастерство владения необычайно редкой фехтовальной техникой «смир-ван», катана выписывает замысловатую кривую, сбивает с толку взгляд, и в то самое мгновение, когда кажется, что меч ушёл чересчур далеко, оказывается совсем рядом и режет...

Меч вампира нацелен в горло Кольдера, но Аэрба бьёт Горностая под колени, заставляя упасть на пол, и трижды стреляет масану в грудь. А выскочивший из спальни Вернон направляет на ночного охотника смертоносный луч «Протугуберанца» и тем подводит итог: вампир повторяет уход из переулка, ныряя в спешно наведённый портал.

— Все целы?

— Да, — коротко отвечает лежащий на спине де Бер.

— Да, — повторяет за ним Уэрбо, после чего широко улыбается и кивает на кинжал: — Я не видел у тебя оружия, православный брат.

— И не должен был, — знакомым тоном отзывается чуд.

— Классный ответ, — одобряет серб.

— У тебя научился, православный брат. — Кольдер вытирает лоб тыльной стороной ладони и тяжело вздыхает.

Вампир ушёл, Рикки исчез, сами они живы, но настроение всё равно поганое. Кольдер чувствует себя проигравшим и злится.

Очень сильно злится.

— Почему ты не сказал, что здесь Аэрба? — угрюмо спросил Герро.

— Разве это важно? — поднял брови Винсент.

— Только не нужно делать вид, что ты ничего не знаешь.

— И в мыслях не было.

— Да, конечно.

Луминар отыскал старого чуда в кают-компании, в глубоком кресле, в обществе бокала, пузатой бутылки рома и старой книги в потёртом кожаном переплёте. Шарге притащил на борт несколько томов на латыни и старочудском и посвящал чтению практически всё свободное время, чем тоже вызывал у масана раздражение. Но когда Герро предложил скоротать вечерок за какой-нибудь игрой, предполагая покер или «джек», получилось ещё хуже: карты Винсент не терпел, а в шахматах не позволял Луминару сделать больше семи-восьми ходов, прекращая вампирские мучения быстрым матом.

— Ты знаешь, что Эрба-Эрба — мой старый враг. И не предупредил.

— Когда я занимался предварительным предсказанием операции, у меня действительно всплыла непонятная переменная, — не стал скрывать Шарге. Он закрыл книгу, но не убрал её, ясно давая понять, что разговор не затянется. — Я увеличил точность заклинаний и получил имя — капитан Аэрба. Затем навёл справки, узнал о ваших непростых отношениях и...

— И промолчал!

— Я думал, ты обрадуешься сюрпризу, — ответил чуд. — И хотел посмотреть, как ты среагируешь на появление ненавистного чела?

Удивлённо поднятые брови, открытый взгляд широко распахнутых глаз, твёрдый голос... В искренность Винсента невозможно было не поверить, и Луминар, поколебавшись, решил не раздувать скандал.

— Надо было предупредить, — хмуро бросил он, затем налил себе рома и рухнул в соседнее кресло.

— Убил его?

Шарге отчётливо показал, что не сомневается в ответе, а спрашивает исключительно из вежливости, и блестяще сыграл изумление, услышав короткое:

— Нет.

После чего вампир залпом выпил и вновь наполнил стакан. Луминар догадывался, какой вопрос станет следующим, и не ошибся:

— Вы с Аэрбой воюете уже несколько лет. Почему ты до сих пор его не высушил?

— Я с ним играю. — После второго стакана полегчало окончательно. Герро вытер губы и с независимым видом покосился на собеседника. — Меня забавляют его потуги победить.

— Для забавляющегося вампира ты слишком обеспокоен, — заметил Винсент. — Предъявляя мне претензии, ты едва сдерживался. На мгновение даже показалось, что ты... побаиваешься Аэрбу.

В обычном случае за этим заявлением последовал бы яростный взрыв, но Луминар лишь криво усмехнулся и повторил:

— Я с ним играю.

И тем окончательно укрепил чуда в мысли, что его взаимоотношения со странным челом куда интереснее, чем вампир пытается представить.

Шарге отложил книгу, взял стакан, откинулся на спинку кресла и прищурился:

— Расскажи о капитане Аэрбе.

— Зачем?

— Затем, что он вписался в мою операцию, и я хочу знать, что это за переменная. Вы крепко враждуете, а ты до сих пор его не высушил... Почему?

Вампир отвернулся.

— Он маг?

— Нет.

— Тогда в чём дело?

— Не знаю. — Герро вновь наполнил свой стакан, посмотрел через прозрачный ром на собеседника, помолчал, понял, что старик не отстанет, и угрюмо ответил: — Возможно, всё дело в его рассказах о Белой Черепахе...

* * *

— Сволочь! Сволочь! Гад! Мерзавец! — Аэрба буквально трясся от бешенства. — Ты его видел? Скажи, ты его видел?

— Кого?

— Мужика в чёрном!

«Вампира?! Конечно, видел!»

Де Бер только сейчас сообразил, что явление красноглазого воина с тонким мечом в руках произвело на чела неизгладимое впечатление, и приготовился соврать что-нибудь подходящее, чтобы хоть в общих чертах объяснить произошедшее, но Уэрбо, как выяснилось, имел собственный взгляд на случившееся.

— Это был...

— Капитан Герро Луминар! — провозгласил серб. — Тупой подонок, чтоб ему чугунный якорь приделали.

— Кто? — Растерянные чуды переглянулись и вновь устали на Аэрбу. — Ты знаешь этого мужика в чёрном?

— Не просто знаю, а планирую убить при следующей встрече! — Носящийся по номеру и размахивающий здоровенным «кольтом» серб выглядел бы весьма забавно, если бы, увы, не печальные обстоятельства. — Я его поймаю и скорблю ему самому! Сволочь! Гадина!

— Кто?

— О ком ты говоришь?

Уэрбо замер, пару секунд таращился на рыжих, сообразил, что они не очень хорошо понимают его выкрики, и объяснил:

— Я говорю о Герро Луминаре, капитане «Чёрного абриса». О красноглазом придурке, который любит таскать чёрные штотки и размахивать длинным японским ножом. Так яснее?

Чуды вновь переглянулись. А серб вернул «кольт» под рубашку, хрустнул пальцами и пообещал:

— После сегодняшней выходки я не успокоюсь, пока не отправлю придурка на дно, чтоб ему чугунный якорь присобачили. Хватит! Никаких других дел, пока не выясним отношения!

— Ты хочешь сказать, что парень в чёрном приходил за тобой?

— Разумеется! — Аэрба вздохнул, почесал в затылке, проиллюстрировав таким образом своё смущение, после чего протянул: — Видите ли, друзья, полагаю... Гм... Да, полагаю, что я... Гм... — Слова давались здоровяку довольно сложно, но при этом запинание добавляло выступлению проникновенности. — Полагаю, я должен извиниться за то, что не был до конца искренен с вами. Дело в том... Гм... Дело в том, что у меня есть могущественный враг.

— Луминар, — проявил догадливость Вернон.

— Да.

— Капитан «Чёрного абриса», — уточнил Кольдер.

— Да.

Старый, опытный вампир враждует с челом, и чел до сих пор жив. Оба чуда мгновенно отметили явную неувязку и, не сговариваясь, пришли к одинаковому решению обсудить её позже.

— Что такое «Чёрный абрис»?

— Название пиратского судна, — сообщил Уэрбо. После чего подбоченился и «со значением» добавил: — Второго по известности в южных морях.

Смысл этого уточнения рыжие поняли несколько позже.

— Ты за ним гоняешься? — осведомился Венсон.

— Да.

— Ты — военный?

— Или из морской полиции? — вставил своё слово Кольдер. — Или, как там это называется... береговая охрана?

— Я — военный? — вытаращился Аэрба. Через мгновение припомнил: — Когда-то был. — И тут же, пока его новые друзья окончательно не сели в лужу, расставил точки над «i»: — Я тот, кому Герро Луминар мешает стать первым пиратом Юго-Восточной Азии.

Закончив, Уэрбо подтвердил свои слова скромным кивком и принялся ждать реакции ошарашенных парней.

— Ты — пират? — примерно через двенадцать секунд поинтересовался Вернон.

— Да.

— Разве они ещё существуют? — выдавил де Бер.

— Ущипнуть тебя?

— Не надо.

— Зато ты сразу в меня поверишь.

— Пожалуй, достаточно слова...

— Вы что, совсем дикие? — рассмеялся довольный произведённым эффектом серб. — Вы действительно не знали, что пираты до сих пор хозяйничают на море?

— Знали, — отмахнулся Дракон. — Но одно дело — слышать о пиратах в новостях, и совсем другое — буянить с одним из них в Патайе и вместе отбиваться от масана...

— От кого?

— Ты не похож на пирата, — резко бросил Кольдер.

— Но я пират. — Серб слегка надулся. — Самый настоящий... Думаешь, в то заведение меня по квоте для бойскаутов впустили?

— Нас в него тоже впустили.

— Вас оттуда не выгнали, потому что приняли за богатых придурков и решили ощипать, — обидно ответил Аэрба. — Но после соревнования Дотторе приказал вас не трогать. Вы ему понравились.

— А-а...

Перепалка с «как выяснилось пиратом» насчёт «богатых придурков» не состоялась только потому, что чуды твёрдо знали: дойди дело до драки, «ощипывателям» крепко не поздоровилось бы, и тем утешились. И постепенно пришли в себя, смирившись с тем, что их православный брат...

— То есть вы с Герро...

— Конкуренты, — помог запнувшемуся Вернону серб. — Прямые конкуренты, если выразаться языком бизнеса. И просто чудо, что я оказался рядом в тот самый миг, когда он выбрал вас своей жертвой.

— Не надо называть нас жертвой, — скривился Кольдер. — Луминар хотел убить тебя — у него не вышло, убить нас тоже не получилось, так что мы не пострадавшие, а противники. — Пауза. — Что же касается Рикки... — У Горностая заходили желваки. — Рикки мы найдём.

— Отлично сказано! — одобрил Аэрба. И тут же поинтересовался: — Вы гордые парни, да?

— Гордые, — с достоинством подтвердил де Бер. Шутить на эту тему он не собирался.

Уэрбо, как выяснилось, тоже.

— Мы, сербы, знаем, что такое гордость, не хуже русских, — твёрдо произнёс капитан, глядя Кольдеру в глаза. — Гордость помогает всегда стоять прямо, но будь я проклят, если с её помощью вы отыщете Рикки.

— А с помощью чего отыщем?

— С помощью друзей, разумеется, — не стал затягивать с ответом Аэрба.

— Ты наш друг?

— Неожиданно выяснилось, что у нас общие враги, — уклонился от прямого ответа серб. — Что же касается остального, то разбрасываться громкими фразами я не привык, и одной, пусть даже большой, попойки для подтверждения дружбы маловато.

— Но ты предлагаешь нам помощь, — заметил Вернон.

— Вы мне нравитесь, и у вас проблемы с человеком, которого я собираюсь прикончить, — пожал могучими плечами Уэрбо. — А впрочем, решайте сами.

И вышел на террасу.

А Дракон повернулся к де Беру:

— Хорошо, что ты не стал давать ему никаких обещаний и ни о чём не просил.

— Я промолчал, поскольку сначала хочу понять, что происходит.

— Разве не очевидно? Рикки похитили масаны.

— Зачем?

— Потому что они масаны.

— Совсем не очевидно, в таком случае, — качнул головой Кольдер. — Кровососы должны были прийти прошлой ночью, когда мы валялись вдребезги пьяные, и всех высушить. Так посту-

пили бы масаны, потому что они — масаны. А этот Герро в первую очередь похититель. Почему?

— Потому что Рикки — племянник Франца де Гира.

— Вот именно.

— Поэтому его забрали.

— Согласен.

Они оба понимали почему, но пребывали в такой растерянности, что никак не могли ответить на куда более важный вопрос: «Что делать?», вновь возвращались к дурацкому: «Почему?», и лишь появление капитана помогло разорвать этот круг.

— Не хочу мешать вашему разговору, парни, но похоже, ваш друг оставил на столике телефон, — сообщил заглянувший с террасы Аэрба. — И последний вызов идёт на филиппинский номер.

— У Рикки нет друзей на Филиппинах, — молниеносно среагировал Венсон.

— Кажется, сейчас мы услышим инструкции. — Кольдер почти подбежал к капитану, схватил трубку, отметил, что пароль снят, и надавил на кнопку вызова. — С кем я говорю?

И услышал вальяжный ответ:

— Ну как, сумели отбиться от кровососа?

«Он издевается!» Левая ладонь де Бера произвольно сжалась в кулак.

— Слушай, ты...

— Мальчик, ты собираешься мне хамить или постараться совладать с нервами?

Неожиданная резкость и откровенная издёвка в голосе неизвестного сделали своё дело: Кольдер пришёл в себя. Поднёс к лицу левую руку, медленно разжал кулак, снова сжал его, правда, не так сильно, разжал и почти без эмоций ответил:

— Я не буду вам хамить.

— Спасибо. — И неизвестный вновь вернулся к шутливому тону. — Слышал, вы храбро победили лобстера?

— Где Рикки?

— Потери есть?

Де Бер жестом показал стоящим рядом друзьям: «Всё в порядке, я спокоен», и твёрдо повторил:

— Где Рикки?

— Глупый вопрос, — хмыкнул неизвестный. — Где твой друг, я не скажу, но он жив и здоров.

— Я могу с ним поговорить?

— Можешь, — неожиданно легко согласился похититель, и через мгновение в трубке послышался до боли в сердце знакомый голос молодого Феллоу:

— Алло, кто это? Вер?

— Кольдер.

— Привет, Коль... — Голос был знакомым, но тягучим, неестественным, и Рикки тут же объяснил из-за чего: — Извини, Коль, они меня чем-то накачали...

Логично, учитывая обстоятельства: сонная добыча — меньше хлопот.

— С тобой всё в порядке?

— Меня не били, если ты об этом.

— Где ты?

— На судне...

Договорить Феллоу не успел: похититель вернул себе телефон и вежливо поинтересовался:

— Ты убедился, что Ричард жив?

— Да, — необычайно ровно, если учесть, с какой силой кипела внутри злость, ответил Горностая. — Что вы ему вкололи?

— Немного успокоительного, чтобы лучше спалось, — тихононько рассмеялся неизвестный, и снова резко, как было до этого, сменил тон. На этот раз — на деловой: — Сообщи о похищении его дяде.

— Дяде Тому? — попытался прикинуться дурачком Кольдер. — Томасу Феллоу-старшему?

— Дяде Францу, — вновь рассмеялся похититель. — Великому магистру де Гиру. Попытка интересная, но бессмысленная: я прекрасно осведомлён о родословной Ричарда Феллоу.

Ну что же, худшие опасения подтвердились: цель похищения — Рикки, причина похищения — его могущественный дядя. Цель нападения — капитан Аэрба. А их с Верноном роль незначительна: глупые, мешающиеся под ногами молокососы.

— Чего умолк?

«Что он говорит?» — прошептал Уэрбо.

«Чего хочет?» — не утерпел Венсон.

Однако Кольдер только отмахнулся, лихорадочно подбирая следующий вопрос:

— Вы — масан?

— Не важно.

— То есть нет?

— То есть я готов начать переговоры с де Гиром. Ты помнишь, что должен ему позвонить?

— Значит, вы не масан, — продолжил гнуть свою линию де Бер. Самыми упрямыми в Ордене считались Драконы, однако сейчас Венсон поймал себя на мысли, что Кольдер ничуть им не уступает. — К тому же масанам нет нужды в переговорах с великим магистром... Работаете на Яргу?

Догадка, судя по всему, оказалась верной.

— Малыш, ты начинаешь выводить меня из себя, — без прежней шутливости произнёс неизвестный. — А когда я выхожу из себя, я становлюсь до ужаса неадекватным, причём этот ужас испытываю не я, а окружающие.

— Ваш напарник-кровосос об этом знает?

— Малыш!

А вот теперь похититель гаркнул, да так, что крик услышали даже стоящие рядом друзья. Похоже, разговор придётся заканчивать.

— Я вас услышал, — очень вежливо произнёс Кольдер.

— Уверен, что так, — грубовато проронил неизвестный и прервал соединение.

— Чего он хочет? — немедленно спросил Дракон.

— Требуется, чтобы мы сообщили о похищении, — неспешно ответил де Бер, убирая телефон в карман брюк.

— Дерьмо!

Чуды невесело посмотрели друг на друга.

— Вы говорили, что дядя нашего маленького Рикки — большая шишка? — протянул Аэрба.

— Огромная, — вздохнул Вернон.

— В таком случае, сообщите ему и уходите в сторону, — посоветовал пират, внимательно глядя на Кольдера. — Здесь начнется игра по высоким ставкам, и я искренне надеюсь, что ваше определение «огромная шишка» соответствует действительности и Герро, наконец-то, сломают шею.

Чуды отнеслись к услышанному по-разному. Венсон коротко кивнул, выражая согласие, и вопросительно посмотрел на Горностая. Тот, в свою очередь, выдержал недлинную паузу, после которой негромко уточнил:

— То есть ты будешь рад, если кто-то сделает за тебя эту работу?

— Хм... — Серб широко улыбнулся, потёр подбородок, снова улыбнулся, после чего уверенно ответил: — Хочу ли я лично убить

Герро? Перерезать ему глотку и искупаться в крови? Хочу ли собственными глазами увидеть, как жизнь покидает его скрюченное тело? Хочу ли смеяться, глядя на его смерть? Очень хочу. Но если твоя «огромная шишка» самолично отрежет подонку голову, плакать не стану.

— И будешь терпеливо ждать, когда это случится?

— Блин... — Расстроенный Венсон обречённо покачал головой: он понял, куда клонит хитроумный друг.

Несколько мгновений Уэрбо молчал, не своя с рыжего парня внимательного взгляда, а затем в тёмных глазах серба мелькнул весёлый огонёк:

— Ты абсолютно верно мыслишь, православный брат: я не буду ждать, пока ваша «огромная шишка» оторвёт Герро голову. Я собираюсь отыскать «Чёрный абрис» и уладить разногласия за один абордаж. Ещё вопросы есть?

— Пока нет.

Но Аэрба тоже понял причину настойчивых расспросов и потому продолжил:

— Хочу уточнить, мои молодые православные братья, что дело весьма далеко от романтизма и прочих красотостей, о которых вы наверняка читали в книжках про пиратов. Мероприятие планируется грязным, таким, что можно на всю жизнь замараться, и я никому и никогда не советовал становиться таким, как я. — Он выдержал паузу и закончил: — При этом никто и ничто не заставит меня отказаться от задуманного.

— Я и не собирался, — спокойно ответил де Бер. — Луминар похитил моего друга и должен ответить.

— Кольдер, не горячись. — Вернон без особой, правда, надежды попытался воззвать к разуму взбешённого Горноста. — Есть шанс, что Франц пойдёт на переговоры.

— Франц? — удивился Аэрба. — Со времени моей последней поездки в Москву, русские стали называться как-то чересчур по-европейски: Вернон, Кольдер, Рикки, Франц...

— Семейная традиция, — поморщился де Бер.

— О, ценности! Понимаю. — Ещё бы старый морской разбойник в них не разбирался. — И большая у вас семья?

— Не маленькая. — Кольдер посмотрел на друга, Дракон кивнул, ответив тем самым на немой вопрос, и де Бер вновь обратился к капитану: — Ты позволишь нам немного пошептать?

— Обсудить русские государственные тайны?

— Ага.

— Разумеется, разговаривайте. — Уэрбо сделал шаг к террасе, однако был вновь остановлен.

— Извини, православный брат, ещё один вопрос, — улыбнулся Горностай. — Твой корабль достаточно быстр, чтобы тягаться в скорости с «Чёрным абрисом»?

— Никто и никогда не обвинял капитана Аэрбу в пустой болтовне, — высокомерно ответил серб. — Если бы я не мог догнать «Чёрный абрис», я бы промолчал.

— Извини.

— Мы ещё мало знакомы, так что я прощаю.

Пират хмыкнул и вышел на террасу, а Кольдер повернулся к Вернону:

— Что скажешь?

— Ты спятил.

— Это понятно, — отмахнулся Горностай. — Что скажешь о плане?

— У тебя его нет.

— Догоним Луминара и заберём Рикки.

— Нужно сообщить о похищении в Орден, — не согласился Венсон. — Через час сюда примчится команда боевых магов и...

— Мы отправимся домой, — грубовато перебил Дракона де Бер. — К папе и маме.

— Да, скорее всего, нам прикажут возвращаться в Тайный Город, — подтвердил Вернон.

— И как ты собираешься смотреть в глаза дяде Герману и тёте Мари?

Упоминание старших Феллоу действовало именно так, как рассчитывал Кольдер: Венсон опустил глаза. И почувствовавший слабость Горностай жарко продолжил:

— Мы приехали сюда втроём, помнишь? Мы потеряли друга, и я не уеду, пока не найду его. Ты, разумеется, решай сам, но я не могу бросить Рикки.

— Мы не бросаем Рикки.

— А что, по-твоему, мы сделаем, если уедем?

— Запросим мощную поддержку. — Венсон посмотрел другу в глаза. — Это лучше, чем гоняться за похитителями в компании малознакомого пирата.

— Я не вернусь в Москву.

— Не приходило в голову, что так ты погубишь Рикки? — Дракон попытался перейти в наступление. — Похитители требуют пе-

реговоров с великим магистром, а ты отказываешься выполнить их требования. Как же они среагируют?

Весомые аргументы произвели впечатление. Кольдер осёкся, тяжело вздохнул, соглашаясь почти со всем услышанным, опустил руку в карман и наткнулся на телефон Рикки. И это прикосновение придало ему сил. Или упрямства.

— Если похитителям нужен Франц, пусть сами ему звонят, я им не телефонистка.

— Коль...

— Мы не знаем, какие условия собираются выдвинуть великому магистру, вполне возможно, что Франц с ними не согласится, и в этом случае смерть Рикки станет вопросом времени. Ты готов жить с таким грузом?

— А если он погибнет из-за нас?

Но де Бер закусил удила:

— Вот тогда и будем думать, что делать, — отрезал он. — Пока же я уверен, что спасти Рикки можем только мы.

— Без снаряжения? Без артефактов?

Но аргументы уже не действовали.

— У меня есть несколько «батареек» с магической энергией, если распорядиться с умом, их хватит надолго, — спокойно ответил Кольдер. — Сам подумай: энергия нам нужна только на бой.

— Ты серьёзно?

— Да!

Несколько секунд Дракон тарашился на друга, после чего полным недоумения голосом произнёс:

— Я не верю, что мы говорим об этом и я почти согласился.

— Через пару часов ты свыкнешься с происходящим, и станет легче, — рассмеялся Горноста́й, хлопая Венсона по плечу. — Мы спасём Рикки, а заодно поможем одному пирату разобраться с другим.

И не было в мире силы, способной заставить молодого де Бера свернуть с выбранного пути. Он делал то, что считал единственно правильным, и готовился играть по самым высоким ставкам.

— Мы — гвардейцы, Вер, мы можем попробовать вести себя иначе, но у нас не получится.

— Вот это верно, — вздохнул Венсон. И почесал в затылке. — Мы должны вернуться в Тайный Город через пять дней, если задержимся, наши добрые друзья почувствуют неладное, и начнутся расспросы.

— Уверен, пяти дней более чем достаточно.

- Ты сумасшедший.
- Временами. — Кольдер вышел на террасу и широко улыбнулся облокотившемуся на перила Аэрбе: — Капитан, вы не против взять на борт пару пассажиров?
- Вооружённых?
- Нет. Но обращаться с оружием мы умеем.

* * *

Большинство масанов по старой, возможно, сохранившейся ещё с родного мира привычке выбирали для жизни северные широты Земли, с их прохладным климатом, сменой времён года, долгими зимами и, как следствие, — с долгими ночами. Свет чужой звезды для вампиров смертелен, вот и приходилось осторожничать, держаться там, где он слабее.

В тропики же масаны забредали крайне редко, и сей факт приводил Герро Луминара в искреннее недоумение. Да, днём тут невыносимо жарко. Да, солнце светит так, что не всякая тень защитит. Да, зим нет и в ближайшие столетия не предвидится, но... Но при этом звезда стабильно ныряет за горизонт строго по расписанию, и яркий день сменяется настолько глухой ночью, что её тьме позавидовала бы даже длинная полярная.

Беспросветные ночи примиряли Герро с солнечными тропиками, а астрономическая точность их наступления позволяла жить по раз и навсегда заведённому распорядку, что склонный к педантичности вампир ценил весьма высоко. Ну и ещё одним немаловажным плюсом было практически полное отсутствие сородичей-конкурентов. Глупых, жадных, вечно голодных, не знающих слова «осторожность» ночных охотников, способных испортить любую, даже самую благоприятную для жизни область. Луминар тщательно ограждал свою территорию от посягательств и лично отправил к Спящему не менее полусотни масанов из разных кланов, пожелавших, подобно ему, разбойничать в вольготных южных морях.

Слишком много сил затратил Герро на обустройство своего мира, чтобы позволить тупым сородичам всё испортить.

Накладки, безусловно, случались, ведь за всей огромной территорией уследить невозможно, однако в целом старый Луминар справлялся и маскировался настолько умело, что ни разу за тридцать лет не стал мишенью для «похода очищения». А это означало,

что если в Тёмном Дворе о нём и знали, то воспринимали как допустимое зло, как слишком незначительную цель, чтобы тратить время и силы на поиски и преследование, и такая ситуация Герро устраивала.

Он не зарывался. И потому согласие служить Ярге далось ему нелегко. Луминар прекрасно понимал, что придётся высунуться, «зарваться», если называть вещи своими именами, нервничал, разумеется, но... Но выбора у него не было: от предложений Ярги не отказывались. Их ждали с трепетом, а получив — принимали.

Впрочем, была у сотрудничества и «светлая сторона»: обретя настолько мощную поддержку, Герро рассчитывал справиться, наконец, с давно опостылевшим челом.

— Откуда взялся Аэрба, никто не знает, то ли с саудовского танкера улизнул, то ли с чилийского сухогруза — неизвестно. По документам он ходил на австралийском контейнеровозе «Солярия», но того порезали на металлолом ещё восемь лет назад, владелец химичил с налогами и исчез ещё раньше, а команда разбежалась...

— В целом, понятно, — кивнул Винсент. — Тёмный парень твой Уэрбо.

— Темнее некуда, — не стал скрывать Луминар. — Говорили, что он служил в югославском спецназе, был завербован КГБ для операций в Индонезии, стал там отъявленным маоистом, основал партизанский отряд и три года удерживал четыре филиппинских острова.

— Удивительно насыщенная жизнь.

— Скорее всего, всё это враньё.

— За исключением, как я понимаю, службы в частях специального назначения, — протянул Шарге. — Вряд ли чел без соответствующей подготовки смог бы взлететь настолько высоко, чтобы бросить тебе вызов.

— И в каком, интересно, спецназе учат воевать с вампирами? — осведомился Луминар.

— Ты мне скажи, — предложил чуд.

— Ни в каком. — Герро помолчал, после чего продолжил: — Сначала я не принял его всерьёз: новые пиратские команды появляются чуть ли не каждый месяц, выживают из них процентов десять, так что смысла следить за новичками нет никакого. Все ждут, когда имена окажутся на слуху.

— Аэрба поднялся быстро?

— Необычайно быстро — за год. — Вампир помолчал. — Вроде только появился, только первый абордаж провёл, а через несколько месяцев выяснилось, что именно он распоряжается в акватории Филиппин, и без его разрешения там никто не схватится за катану.

— Почему ты заинтересовался дерзким новичком?

— В тех краях правил Уиндем Носферату, весьма здравомыслящий масан, который точно знал своё место в нашей несложной иерархии: я наверху, а он пикнуть не смеет, — рассказал Луминар. — Несмотря на слабость, Уиндем был масаном — масаном! — но после ссоры с Аэрбой о нём никто не слышал.

— Как такое возможно?

— Правило «У2»: удача плюс ум.

— И всё?

— И магия. Куда же без неё? — Герро выдержал многозначительную паузу и продолжил: — Вписываться за Носферату я не собирался, поэтому первые годы Аэрба меня не заботил. К тому же он работал намного западнее, на тихоокеанских путях, однако постепенно стал прижиматься к материку и выдавливать меня с территории. Точнее, с акватории. — Верхняя губа охотника чуть дёрнулась: даже сейчас, по прошествии нескольких лет, Луминар впадал в бешенство, вспоминая те события. — Я решил убрать его, но получилось так, что сам еле унёс ноги. Аэрба попытался развить успех, но наша вторая встреча едва не стала для него последней. С тех пор мы оба осторожны.

— А что за Белая Черепаха? — Шарге прищурился. — Говоря о ней, ты заметно нервничаешь.

— Поскольку не знаю, что и думать, — честно признался масан. — История Белой Черепахи похожа на выдумку, но я действительно не могу убить Аэрбу, и этот позорный факт нельзя объяснить лишь помощью Бенги-Бенги.

— Пожалуй. — Винсент задумался, перебирая в памяти всё, что Герро рассказывал о недруге.

В задаче, которая изначально казалась примитивной и неизмеримо скучной, появилась нетривиальная величина, вызывающая у старого чуда искренний интерес — капитан Уэрбо Аэрба. Чел, который вот уже несколько лет счастливо избегал гнева могущественного вампира. Винсент не верил, что «какой-то пират» способен нарушить его планы, но с удовольствием принял игру, намереваясь не только выполнить приказ Ярги, но и развлечься.

— Я обратил внимание, что ты оставил пленнику слишком много свободы, — сменил тему Герро. — Не хочешь его запереть?

— Нет, — беззаботно отозвался Шарге. — Не хочу.

— Он попытается бежать.

— Скорее всего.

— Удивляюсь твоему спокойствию.

— Рикки — обычный мальчишка, попавший в крайне затруднительную ситуацию, — пожал плечами старый чуд. — Естественно, он попытается бежать.

Луминар сделал вид, что сбит с толку, хотя на самом деле не испытывал ничего, кроме раздражения:

— В таком случае, повторю вопрос: ты не хочешь его запереть? Пойми меня правильно: я воспитан в классических традициях и верю, что пленники не должны доставлять лишние хлопоты. Пусть сидит в каюте без окон и мечтает о побеге, так от него не будет проблем.

— У Ярги большие планы на этого мальчика и его дядю, и я получил чёткие инструкции наладить с ним отношения.

— Ты его похитил, — хихикнул масан. — Так что с налаживанием может возникнуть понятная неувязка.

— В любом случае, я не хочу портить больше, чем уже испорчено, — подумав, ответил Винсент. — Попытка не пытка: вдруг получится?

— Успехов! — усмехнулся вампир.

И задумался над тем, что неплохо было бы высушить ходячий — пока ещё! — бурдюк чудской крови.

— Извини, что голему пришлось тебя немного побить, — искренне произнёс Шарге. — Я приказал действовать жёстко, поскольку не мог позволить тебе удрать.

— А ведь я почти ушёл, — вздохнул Рикки, припоминая быструю схватку на террасе. — Я знал, что сумею спрыгнуть и зацепиться за перила нижнего балкона. Голем схватил меня в последний момент.

— Я не мог позволить тебе удрать, — повторил старик.

И в его устах фраза прозвучала как-то по-домашнему: «удрать», а не «уйти», как будто речь шла о нашкодившем мальчишке.

— Наши желания разошлись, как в море корабли.

— Приятно видеть, что ты готов шутить.

— А что ещё мне остаётся? — Рикки потрогал скулу. Эрлийский бальзам, что выдал ему странный старый чуд, почти излечил

повреждение, но едва заметные следы продолжали напоминать о проигранной драке. — Только шутить.

— Извини ещё раз.

— Разбитая скула — сущая мелочь на фоне всего остального...

— На фоне чего?

— А вы не понимаете?

— Ты объясни.

«Какое забавное начало разговора...»

Они стояли у борта и смотрели на воду, а не друг на друга, избегая не только прямых взглядов, но и мимолётных. Винсент понимал, что вызывает у молодого пленника исключительно ярость, и не форсировал события, здраво полагая, что нормальный, без лишней злости, разговор — уже достижение. Феллоу же опасался, что лишний взгляд на похитителя разъярит его настолько, что он кинется в безнадёжную драку, которая сейчас никому не нужна. Вот и приходилось смотреть на воду. И на розовое предрассветное небо, ожидающее явления жаркого солнца.

— Вы ведь не станете отрицать, что моё похищение — атака на дядю? Сам по себе я никому не нужен.

— Не атака... — качнул головой Шарге. — Скорее, привлечение внимания твоего дяди, предпринятое ради того, чтобы он серьёзно и вдумчиво отнёсся к нашему предложению.

— Смешно звучит.

— Что именно?

— Вы похитили меня только для того, чтобы дядя Франц всерьёз отнёсся к некоему предложению, которое вы ему сделаете?

— Совершенно верно, — подтвердил Винсент. — Глупо рассчитывать на большее: твой дядя — великий магистр, он ни за что не поставит твою жизнь выше интересов Ордена. Чего бы мы ни потребовали в обмен на твою жизнь, мы это не получим, поэтому цель у похищения одна — привлечение внимания.

— А если дядя Франц недостаточно сосредоточится на предложении, вы меня убьёте?

— Ни в коем случае.

Забавным у разговора получилось не только начало, но и продолжение. Никаких угроз, никакого давления... Феллоу несколько растерялся, и потому его следующий вопрос прозвучал немного по-детски:

— Каковы же ваши планы?

— Узнав о похищении, твой дядя направит на поиски отряд боевых магов, — немедленно ответил Винсент.

— Хотелось бы верить.

— Перед операцией мы тщательно изучили психологический профиль великого магистра, так что сомнений нет: твой дядя поступит именно так. Однако мы сможем избежать встречи с его посланцами, показав высочайший уровень нашей подготовки. Севшие в лужу каратели произведут на него впечатление, после чего мы предложим переговоры, на которые Франц обязательно согласится.

— Не согласится, — вздохнул Рикки.

— Согласится, поскольку предложение поговорить великому магистру доставишь лично ты.

— Что?!

— Внезапно, да? — рассмеялся Шарге и дружески потрепал парня по плечу. Момент был выбран идеально, и Рикки не обратил на прикосновение врага никакого внимания. — Оставив боевых магов с носом, мы отпустим тебя, прося взамен... Подчёркиваю: прося, а не требуя, лишь возможность высказаться. — Довольный произведённым эффектом, Винсент шутиливо отдал честь и закончил: — Вот так выглядит наш план. Тому, кто хочет воевать, он покажется глупым. Но мы не рассматриваем Орден в качестве врага. Мы хотим договориться.

Несколько долгих секунд молодой Фелло внимательно смотрел на собеседника, на Шарге, а не на воду, после чего медленно произнёс:

— Кажется, в начале знакомства я принял вас за кого-то другого.

И старику оставалось лишь приветствовать подобную догадливость.

— Ты думал, я представляю некую партию внутри Ордена? Представляю тех, кто желает смещения великого магистра и возведения на престол своего ставленника?

— Вы — чуд, вы меня похитили. Это было самое очевидное предположение.

— Я категорически против любых междоусобиц.

— Интересное заявление, учитывая обстоятельства.

— Я высказал тебе свою принципиальную и глубоко продуманную позицию. Ты можешь мне не верить, но я прошу не ехидничать над ней сейчас, когда тебе не ясны ни мотивы, ни дальнейшие планы.

— Так просветите меня! Зачем вы меня похитили?

— Чтобы поговорить с великим магистром.

— Не успеете: дядя Франц найдёт вас и убьёт. — Рикки исхитрился выжать из себя почти весёлый смех. — Не потому, что он меня любит, а потому, что вы его разозлите.

— Не найдёт, — уверенно бросил Шарге. — Судно надёжно защищено от любого вида магического сканирования.

— Вы не кажетесь сильным магом.

— Я действительно проигрываю твоему дяде и в силе, и в способностях, и в мастерстве, — честно признал Винсент. — Но защитный артефакт создал не я, а настолько великий маг, что Франц де Гир кажется на его фоне провинциальным самоучкой.

— И кто же это?

— Ярга, — «машинально» ответил старый чуд.

Молодому Горностаю показалось, что он умело выведал у похитителя Главную Тайну. Он и представить не мог, что Шарге умышленно вёл разговор к этому вопросу и охотно выдал имя, которое уже хорошо знали в Тайном Городе.

— Тот спятивший тёмный, которого Великие Дома ищут по всему миру?

— Не спятивший тёмный, а их первый князь, — медленно, словно нехотя, ответил Винсент. — Величайший воин и стратег, сумевший победить асуров в самой страшной войне, когда-либо сотрясавшей Вселенную. Ярга вернулся и намерен получить обратно трон, принадлежащий ему по праву — трон властителя Земли.

— Землёй чуды правили! — не сдержался юноша.

— Это было потом, — спокойно парировал Шарге.

— Но это было! А значит, великий магистр имеет не меньше прав на престол, чем Ярга.

Патриотическое заявление вызвало добрую улыбку и почти дружеское предложение:

— Так пусть попробует его взять.

И Рикки осёкся.

— Что?

— То, что слышал, малыш: пусть Франц де Гир попробует вернуть Ордену власть над планетой, и я первым встану под его знамя, — спокойно произнёс Винсент. — Не может? Не хочет? Боятся? В таком случае извини за то, что мне нравится амбициозный нав, а не трусливый Франц. Мне нравятся дерзкие планы, малыш, я хочу переделать мир, потому что тихая Земля скучна.

— И ради развлечения вы заключили сделку с врагом Ордена?

Юный Горноста́й и в самом деле не понимал, что попадает абсолютно во все расставленные Шарге ловушки.

— Молодость, молодость, молодость... — вздохнул старик. — А кто позаботится о чуде, если Ярга победит? На тот случай, если ты плохо учился в школе, напоминаю: навам уже доводилось вырезать целые расы, и я не хочу, чтобы моя чудь осталась лишь в учебниках истории.

— У него не получится победить! — отрывисто бросил Феллоу.

— А вдруг?

— И что тогда?

— Тогда я возглавлю тех рыцарей, которые примут власть Ярги, — сообщил Винсент. — Первый князь доверяет мне... Ну, насколько он вообще кому-либо доверяет, и я стану гарантом верности Ордена.

— Станете маленьким фюрером маленькой семьи в большой империи навов?

— Я спасу тех, кто захочет спастись.

— Не лгите мне.

— Мне нет никакого смысла и никакой пользы лгать тебе, малыш, я рассказываю, как есть. — Шарге грустно улыбнулся. — Мне не нужна власть. Я хочу... — И грусть на краткое мгновение сменилась болью. Дикой, совершенно невозможной болью, которую Горноста́й разглядел в глазах старика. Болью старой, но не стёршейся, продолжающей пылать, но главное — сжигать Винсента изнутри. Болью, которая поддерживала в нём жизнь. — Когда-то у меня был сын. Весёлый мальчишка, шалопай, хулиган... Он служил в гвардии и мог стать великим воином, если бы... — Боль скрылась внутри, оставив глазам лишь невыносимую печаль. — Если бы его не убили.

— В бою? — тихо спросил Рикки.

Он уже знал, кто стоит рядом с ним.

— В мире, — глухо уточнил старик. — Подло.

— Так вы... Вы — Винсент Шарге.

— Слышал обо мне? — Мастер големов невесело усмехнулся. — Наверняка плохое.

— Вас все жалеют.

— Скоро перестанут. Когда узнают, что я продан Ярге.

— Да, — согласился Феллоу. И тут же поинтересовался: — Но зачем вам это?

— Ты всё ещё не понял? — Старик вновь отвернулся и вздохнул, глядя на поднимающееся солнце. — Вспомни всё, о чём я

говорил, и представь... На мгновение допусти, что я не лгал, и ты поймёшь — зачем. Жизнь хрупка, малыш, коротка и хрупка. Иногда кажется, что народ сильнее индивида, но это не так: теряя песчинки, мы рано или поздно смоём в море весь берег. У Ярги серьёзные намерения, и я действительно хочу стать страховкой для Чуды на случай его победы. — Шарге выдержал паузу и твёрдо, очень убеждённо завершил свою речь: — Даже в том случае, если расплатой за ваше спасение станет ненависть.

* * *

— Что это за корабль?

— Судно, — поправил Вернона капитан.

— Ты же пират!

— Не важно. Корабли бывают только у военных, чтоб им чугунный якорь приделали, а всё остальное — суда.

Чуды переглянулись, после чего Кольдер негромко протянул:

— Судя по непримиримости, ты служил.

— Обязательно.

— И ни за что не изменишь свою точку зрения.

— Проще выкинуть вас за борт.

— В таком случае, что это за судно?

— «Белая черепаха», православный брат, — громко произнёс серб и с гордостью добавил: — Моя красавица.

По причинам, о которых можно было только догадываться, «красавица» Аэрбы бросила якорь не в виду Патайи, а в пяти милях к северу, и, видимо, поэтому осталась не замеченной враждебным «Абрисом». Добираться до неё пришлось на перекладных: сначала на автомобиле до малозаметного, затерявшегося среди скал пирса, а после на катере, мощном и очень быстром, главным предназначением которого была отнюдь не доставка на борт пассажиров и припасов. Катер явно использовался для нанесения недружественных визитов на чужие суда, и об этом откровенно намекала заваливающаяся на полу автоматная гильза. Капитан её приметил, поднял и выбросил, тихонько пообещав кому-то на сербском большие проблемы.

— Я понимаю, что это твоя красавица и ты по ней соскучился, — продолжил допрос Вернон. — Но мне интересно, что это за судно?

«Черепашка» и в самом деле не потрясала воображение. Футов двести в длину, примерно сорок в ширину, светло-серая, друже-

любная, она не походила ни на траулер, ни на сухогруз, ни на яхту, ни на пассажирское судно и тем заинтересовала Дракона.

— Оно выглядит мирным.

— Извини, в целях конспирации пришлось снять ракетные установки и срезать орудийные башни.

— Уэрбо, что это за судно?

— Пиратский бриг.

— Парусов не хватает.

— Современный пиратский бриг.

— Судно радиолокационной разведки, — неожиданно произнёс Кольдер.

И удостоился уважительного взгляда Уэрбы.

— Почти угадал, православный брат, — кивнул капитан.

И продолжил: — На самом деле «Белая черепаха» — урождённый дальний разведчик, выстроенный в Польше под легендой гидрографического судна...

— В Польше? — изумился Вернон. — Там строили корабли океанического класса?

— Когда-то строили, — махнул рукой капитан, не желая погружаться в далёкую историю. — «Черепашка», в то время, как вы понимаете, она называлась иначе, была приписана к вашей Академии наук и шлялась по великому океану, подслушивая и подглядывая за врагами во славу вашей великой страны. После распада Империи судно досталось Украине, довольно долго стояло на приколе, потом его приватизировали, трижды перепродавали, и в конце концов оно оказалось у меня.

— Почему именно оно?

В представлении Венсона современные пираты должны были передвигаться на... На авианосцах? Они честным морским разбойникам не по карману. На бывших торпедных катерах? Слишком заметно. На танкерах? Глупо. На яхтах? На чём?

Другими словами, Вернон поступил, как настоящий Дракон: сначала спросил, а затем задумался.

Аэрба же прекрасно понял, что рыжий оказался в затруднительном положении, но сразу ему на помощь не пришёл, помолчал, ехидно разглядывая задумавшегося парня, и, только выдержав достаточно длинную паузу, объяснил:

— У судна отличная вместимость, большой запас хода и резерв автономного плавания, но главное — великолепная легенда, позволяющая мне бороздить моря в любых направлениях. Так что перед вами не какой-то пират, разыскиваемый всеми морскими

службами Азии, а добропорядочный гидрограф, работающий по заказу различных компаний, в том числе крупных транснациональных корпораций и государственных служб.

— Ты реально этим занимаешься?

— Разумеется! На борту целых три дипломированных специалиста, включая меня, — громко сообщил серб. — И, как правило, мы работаем по самым настоящим контрактам. Иногда, конечно, приходится нанимать самого себя через подставные фонды, когда нужно оказаться в какой-нибудь конкретной акватории, но редко.

— И ты до сих пор не примелькался? — удивился де Бер.

— О чём ты? — не понял Уэрбо. Но уже в следующий миг сообразил: — Судно?! Кольдер, мы не в Голливуде и за эффектными картинками, вроде связанных абордажными крюками судов, не гоняемся. Минимальное расстояние, на которое я подпускаю «Черепашу» к объектам интереса, — сто миль.

— Катера! — покраснел догадавшийся Горностай.

— Совершенно верно, — подтвердил серб. — У меня три скоростных катера с неплохим запасом хода.

— В таком случае, легенда у тебя действительно прекрасная.

— Одна из лучших. — В число возможных добродетелей Аэрбы ложная скромность не входила. Настоящая, впрочем, тоже. — У Луминара легенда проще: круизная яхта-люкс. А сам он играет роль отошедшего от дел миллионера.

— Я, конечно, не завидую, — протянул Венсон. — Но легенда твоего красноглазого приятеля мне нравится больше.

— Она хороша, если ты играешь миллионера, а эта роль на «Чёрном абрисе» занята, — назидательно произнёс Уэрбо.

— Гм... Пожалуй.

Тем временем катер подошёл к трапу, и капитан пригласил чудов на борт:

— Поднимаемся, православные братья, оглядываемся, знакомимся и не стесняемся удивляться.

— Чему?

— Всеми, — пожал плечами серб. — Вы ведь впервые на пиратском судне, не так ли?

— Я и на обычном никогда не бывал, — буркнул Кольдер. — Если не считать таковыми речные пароходики.

— Не считать.

— Вот и я о том же.

И первое отличие пиратского судна от прогулочного де Бер отметил сразу: чистота и порядок. За два дня знакомства с Аэр-

бой Горностай привык думать о нём как о весёлом, склонном к обильным возлияниям и не очень-то обязательном челе. Известие о том, что их случайный собутыльник оказался едва ли не самым главным пиратом южных морей, удивило, изумило, ошарашило, но сложившийся образ не изменило: почему бы морскому разбойнику не быть весёлым и необязательным пьяницей? Однако, оказавшись на судне, Кольдер понял, что их собутыльник — весьма жёсткий и требовательный капитан, умеющий добиваться беспрекословного подчинения. «Белая черепаха» блестела так, словно только что сошла со стапелей: палуба вымыта, стёкла иллюминаторов чисты до идеальной прозрачности, медные детали начищены, и все предметы — строго на своих местах, аккуратно сложены, связаны или упакованы. И стало понятно, почему обнаруженная гильза привела Уэрбо в бешенство: причина крылась не в нарушении конспирации, а в том, что кто-то схалтурил при уборке катера.

— Капитан...

Первым поднявшихся на борт поприветствовал невысокий темноволосый мужчина, смуглый или загорелый дочерна, белозубый, черноглазый, облачённый в шорты цвета хаки, свободную красную рубашку и... татуировки. Жилистые руки мужчины покрывало настолько большое количество разноцветных рисунков, что в какие-то моменты даже казалось, будто под рубашку черноглазый надел футболку с длинным рукавом.

— Здорово! — Аэрба пожал невысокому руку, после чего хлопнул по плечу и повернулся к гостям: — Бенга-Бенга. Старпом, штурман и шаман.

— Шаман? — удивился Вернон.

Бенга-Бенга нейтрально улыбнулся, но промолчал, став вдруг похожим на умного пса, в вотчину которого неразумные хозяева притащили наглого кота. Пёс готов терпеть, отворачиваться, делать вид, что всё в порядке, что ему нравится происходящее, но... Но не следует оставлять его с неожиданным гостем наедине.

— Ну да, шаман, — жизнерадостно подтвердил серб. — А в чём дело?

Дракон пожал плечами, и капитан, решивший, что другого ответа не будет, продолжил:

— Понимаю, что для городских жителей слово «шаман» звучит дико и непривычно, но у нас, в южных морях, без толкового колдуна никуда.

Если учесть некоторые обстоятельства, заявление прозвучало настолько прозрачно, насколько это вообще возможно, однако переглянувшиеся чужды решили пока промолчать.

— А уж тем, кому есть что скрывать и от кого скрываться, без опытного шамана не обойтись, — закончил Уэрбо.

И это дополнение вывело Бенгу-Бенгу из себя.

— Ты им всё рассказал? — хмуро осведомился он. Причём осведомился таким тоном, каким старпом, пусть даже и колдун, в адрес капитана обычно не осмелится.

Но Аэрба не разозлился, просто кивнул:

— Да.

И получил резкое:

— Ты слишком много пьёшь.

И вновь дружелюбное:

— Это оскорбление или констатация факта? — Здоровенный серб не хотел или не мог себе позволить поспорить с шаманом.

— Это моё мнение о происходящем, — отрезал Бенга-Бенга и повернулся к чуждым: — Рад знакомству, господа.

— Мы... э-э... тоже, — промямлил Кольдер, однако ответы «гостей» маленького пирата не интересовали.

— Капитан обрисовал вашу проблему, и я думаю, мы с ней справимся, — чуть ли не официальным тоном произнёс шаман. — Всё, что вам нужно, так это набраться терпения и как следует подготовиться к драке.

— Согласен, — поддержал штурмана Вернон и тут же получил в ответ предельно холодное замечание:

— А что вам ещё остаётся?

— Приятно видеть, что вы понравились друг другу, — вновь вступил в разговор Аэрба. — Теперь вас проводят в каюту.

Судя по всему, Бенга-Бенга отдал необходимые распоряжения до того, как отправиться встречать гостей, потому что время разговора не было потрачено впустую: матросы подняли трап, якорь, и «Черепаша» принялась неспешно набирать ход.

— Вы знаете, куда следует плыть? — удивился Венсон.

— Идти, — поправил его капитан.

— Хорошо — идти. — Дракон понял, что в ближайшее время их с Кольдером станут поучать на каждом шагу, и мысленно смирился. — Вы знаете, куда нам следует идти?

— На юг, — безапелляционно произнёс шаман. — Сиамский залив место достаточно спокойное, тайцы присматривают за по-

рядком, поэтому Герро с добычей пойдёт к Камбодже. Там много островов, на которых можно спрятаться.

— Герро может пойти куда угодно, — не согласился Вернон. — Чтобы стать невидимым, достаточно уйти за горизонт.

— Вы сами сказали, что ваш дядя — «огромная шишка», — напомнил серб. — Герро готовится к встрече с его посланцами, а значит, будет прятаться. А значит, пойдёт на юг.

Спорить с уверенным в себе капитаном не имело смысла, поэтому Дракон едва заметно пожал плечами и согласился:

— Пусть так.

А вот у Кольдера возник вопрос:

— Мы сможем догнать «Абрис»?

И покосился на Бенгу-Бенгу. Шаман остался невозмутим. И ничего не ответил, предоставив эту честь Аэрбе.

— Луминар ходит на парусно-моторной шхуне, выстроенной в Японии как китобойная и переделанной в Гонконге одним умелым англичанином по имени Кьюсак... — Капитан провёл ладонью по щетине, и взгляд его стал задумчив. — Или Куаттро? Сейчас не вспомню, но точно на Q, его все так и зовут: мистер Q, а он не обижается. Старенький уже, но дело знает отлично: модернизировал ходовую часть на «Черепaxe», и я очень доволен.

— То есть мы сможем догнать «Абрис»?

— Скорость у нас одинаковая.

— Но у него преимущество в несколько часов, — заметил Вернон тоном заправского морского волка.

И слегка переборщил, поскольку настоящие заправские волки одновременно поморщились.

— Рано или поздно Герро придёт туда, куда хочет прийти, — протянул Бенга-Бенга. — Или изменит курс, что позволит нам срезать угол. Так что не волнуйтесь, мистер Вернон, мы догоним.

— Моя фамилия — Венсон.

— Очень мило.

За разговором они поднялись на мостик — довольно большое помещение, с которого открывалась превосходная панорама на нос и океан, — шаман, исполняя обязанности старпома, проверил курс, кивнул, оставшись доволен увиденным, отослал рулевого, сам встал за штурвал и только после этого продолжил разговор:

— Вам уже сказали, что капитан Луминар пожирает трупы врагов?

◆◆◆◆◆

Неожиданный вопрос заставил Уэрбо помрачнеть, а чудов — осторожно развести руками в абсолютно одинаковом, как будто отретипированном, жесте.

— Не сказали, — ответил Кольдер, возвращая конечности в исходное положение.

— Следовательно, теперь вы об этом знаете, — любезно произнёс шаман и, несмотря на явное неудовольствие капитана, продолжил: — Герро Луминар стар, умён, опытен, и он колдун. Очень сильный колдун, отнимающий у врагов плоть, сердца, мужество и волю.

— И кровь, — эхом добавил Венсон.

Аэрба удивлённо вскинул правую бровь.

— Да, кровь тоже, — спокойно подтвердил Бенга-Бенга. — Герро необычайно силён.

— Сильнее тебя? — тут же осведомился де Бер.

— Мы уже на «ты»?

— А чего тянуть?

Шаман помолчал, видимо, усмиряя кипящее внутри бешенство, после чего с достоинством продолжил:

— Не буду скрывать: капитан Луминар очевидно превосходит меня в колдовстве.

— Тогда почему ты до сих пор жив?

— Потому что Герро боится Белую Черепашу, — произнёс Аэрба.

— Твоё судно?

— Нет, — выдержав паузу, ответил серб. — Не его.

* * *

Из приключенческих книжек, воспоминаний очевидцев и здравого смысла широкая публика делает совершенно однозначный вывод, что лучшее время для побега — раннее-раннее утро, оно же — поздняя-поздняя ночь. Когда часовые дремлют или спят, луне надоедает светить ярко, усталые коты возвращаются домой, топчутся, орут, то есть бесплатно производят отвлекающий шум, и никто не обращает внимания ни на скрежет напильника по решётке, ни на вылетающие из-под фундамента тюремной башни комья земли. Получается что-то вроде негласной договорённости: «Если вы ухитрились не уснуть до этого часа, то получаете бонус +100 к бегству».

Однако, если вас угораздило оказаться в плену посреди моря, а на борту находится хотя бы один вампир, то приключенческие

расчёты отправляются к чёрту, потому что всё слишком запутывается. Бежать ночью? Когда по тёмной палубе слоняется злой, как чёрт, Герро, открыто намекающий, что соскучился по сладкой чуждой крови? Не вариант. Высушить, он, наверное, и не высушит, но сведёт вероятность успеха к нулю. Бежать днём? Когда повсюду матросы, они же пираты, и в любой момент может пригнаться «поболтать» чокнутый Винсент? Тоже так себе идея... Вот и получается задача из серии «Выбери худший вариант», но Рикки старательно ломал над ней голову, прекрасно понимая, что второго шанса ему не дадут: или он уйдёт с первой попытки, или не уйдёт вообще. А уйти молодой Феллоу хотел, несмотря на торжественное обещание Шарге его отпустить, и уйти хотел по сугубо прагматической причине: как сложится у похитителей встреча с десантом боевых магов, одному Спящему известно, возможно — по плану, возможно — пираты окажутся под ударом, например начнётся абордаж, и что в этом случае произойдёт с пленником — неизвестно. Поэтому лучше добыть свободу заранее: и самому приятно, и дяде продемонстрировать, что хоть и не маг в семье растёт, но и не олух.

Да и грех не попытаться бежать, имея на руках сильный козырь.

В отличие от друзей-гвардейцев, свободно владеющих разнообразными боевыми арканами и потому таскавших с собой однуединственную «Дырку жизни», потерявший подобные способности Рикки позаботился о дополнительном страховке: стандартный для всех жителей Тайного Города артефакт всегда лежал в его кармане и был отобран ещё в отеле, а второй, аналогичный, был аккуратно спрятан в зубную коронку и настолько хорошо замаскирован, что его пропустил и Шарге, и проводивший второй обыск Луминар.

Придя в себя после похищения, Феллоу сразу же попытался активизировать «Дырку жизни», выяснил, что шхуна надёжно защищена от применения магии и, чтобы артефакт заработал, нужно её покинуть. Оставался вопрос: как это сделать?

И когда?

Днём или ночью? На глазах у команды или рискуя нарваться на взыблмошного вампира? Кто опаснее? Когда удобнее? Что делать?

Однако первая же ночёвка на борту показала, что у ночного варианта, при всех его очевидных плюсах, перспектив нет. Рикки отвели небольшую каюту без иллюминатора, вход в которую перекрывала надёжно-металлическая дверь, а в коридоре всю ночь просидел вооружённый малаец. Санузел внутри, так сказать, индивидуальный, то есть объяснимого повода выйти ночью из ка-

юты нет, на необъяснимый малаец не среагирует, запускать артефакт внутри уже пробовал и убедился в бесполезности попытки. Другими словами, картина печальная, тут и без вампира шансов практически нет. Можно, конечно, симитировать приступ какой-нибудь болезни, вырубить малайца — об этом пункте, учитывая превосходство чудов в силе, Рикки не беспокоился, — затем тайком выскользнуть на палубу и нырнуть в море, но, поразмыслив и припомнив о присутствии на борту вампира, Феллоу решил не рисковать и попытаться бежать днём.

Ещё и потому, что подобной наглости от пленных обычно не ждут.

С помощью «обыкновенных» вопросов Рикки узнал, что судно может развивать скорость до девятнадцати узлов, но обычно идёт на шестнадцати. То есть примерно восемь ярдов в секунду. Если незаметно прыгнуть за борт, то через двадцать пять — тридцать секунд шхуна отойдёт примерно на кабельтов, что, по прикидкам Феллоу, вполне достаточно для выхода за пределы блокирующего магию поля. Для обретения свободы и спасения жизни.

Тридцать секунд.

И нет нужды в военно-морском героизме, нет нужды никого убивать, нет нужды в шуме: хочешь бежать — просто окажись в воде. Даже плыть не требуется.

Тридцать секунд поплавок, а желательно — под водой. Что может быть проще?

К тому же днём Феллоу обретал относительную свободу: вооружённый матрос поблизости, зато вся палуба в его распоряжении, ходи куда хочешь, делай что хочешь — в открытом море деться некуда. Дозволялось рыбачить — Рикки предложили шикарный выбор спиннингов, дозволялось играть — предоставили планшет с усечёнными коммуникационными возможностями, дозволялось читать и просто валяться в гамаке. Еда и напитки за счёт заведения. Направленный в спину ствол — обязательная часть сервиса.

На второй день сформировался распорядок: завтрак — бесцельное блуждание по палубе — визит Винсента, разговор — обед — дрема в тенике — чтение книги — визит Винсента, разговор — ужин в компании Винсента и Герро — вечерняя партия в преферанс — сон.

Скучно, зато предсказуемо.

— Я так понимаю, дядя Франц на связь не вышел? — небрежно осведомился Рикки после того, как после завтрака диалог о погоде, сне и прелести морских прогулок себя исчерпал.

— Почему ты так думаешь? — прищурился Шарге.

— Потому что вы ничего об этом не сказали.

— А если я не собирался говорить?

— Это противоречило бы вашему характеру.

Старый чуд рассмеялся, показывая, что Феллоу всё понял правильно, и кивнул:

— Да, сказал бы... И в другом ты тоже прав: великий магистр молчит, но это вовсе не означает, что он не отправил на твои поиски рыцарей.

— Не позвонив вам? — В его представлении звонок должен был последовать сразу же, и потому Горностаю удивился спокойствию похитителя.

— Один из наиболее вероятных сценариев операции предусматривал такое развитие событий, — безмятежно ответил Винсент. — Де Гир знает, что ты жив. Знает, что мы готовы к общению — у него есть телефон и есть номер, — и специально молчит, затягивает время в интересах спасательной команды.

— Которую вы не боитесь... — вздохнул Рикки.

— Твой дядя не сможет найти нас даже с помощью навов, — уверенно произнёс Шарге. — Через пару дней он это поймёт и позвонит. — Пауза. Улыбка. — Заклучим пари?

— То есть тишина вас не смущает?

— На тот случай, если ты забыл, напоминаю: телефонный разговор с де Гиrom нас не интересует. Будет он или нет — не важно; как только великий магистр отзовёт боевую группу, ты поедешь домой.

— А группы пока нет, — протянул Феллоу. — Так?

— Так.

— Или вы её не видите.

Опытные маги — а Рикки хотелось верить, что дядя отправит за ним закалённых бойцов, — способны скрыть своё присутствие от наблюдателей. Бывало, что боевые отряды чудов даже к Цитадели подбирались незамеченными, не говоря уж о Зелёном Доме... Всякое бывало во время войн Великих Домов. Однако железобетонная уверенность старика заставляла Феллоу думать, что на этот раз даже самые лучшие маги не смогут замаскироваться должным образом.

— У меня есть способ узнать правду, — скромно произнёс Винсент.

— Не сомневаюсь в вашей предусмотрительности.

Шарге с улыбкой посмотрел на задумавшегося парня и неожиданно для себя решил его поддержать:

— О себе не беспокойся, малыш, твоей жизни ничего не грозит.

Старый чуд отчего-то решил, что очередное обещание не причинить вред успокоит Феллоу, и пропустил жёсткий удар: прозвучавший ответ больше походил на пощёчину.

— Когда-то вы были рыцарем, Винсент, и должны помнить, что страх смерти чужд нам.

— Я по-прежнему рыцарь.

И поток ледяного презрения:

— Я вижу.

Винсент пронзительно посмотрел на Рикки, дёрнул щекой, словно собираясь что-то сказать, резко повернулся и ушёл.

Ушёл, как и было запланировано — оскорблённый, а значит, вряд ли вернётся до вечера. И не помешает заполучить столь важные тридцать секунд.

Прямо сейчас. В разгар дня.

Что может быть проще?

Оставшись один, Феллоу перешёл в гамак, повалился, прочёл несколько страниц выданной Луминаром книги, точнее, неспешно перелистнул несколько страниц, не вникая в их содержание, затем зевнул, поднялся с кресла, подошёл к холодильнику, налил в бокал воды, сделал несколько глотков, а затем...

Весь Тайный Город знал Горностаев как стрелков, бьющих без промаха. Винтовка или лук, пистолет или рогатка — Горностаи клали снаряды точно в цель, словно насмехаясь над законами физики и неумёхами из других семей и рас. Но то, что Горностаи превосходно стреляли, вовсе не означало, что они не умели использовать другое оружие. Умели. И ещё как! И двигались они пусть не так быстро, как хваны или масаны, но уж всяко энергичнее обыкновенного чела.

И потому первая фаза операции «Домой!» прошла у Рикки без сучка и задоринки.

Сделав несколько глотков воды, чуд небрежно вернул бокал на столик, открыл холодильник, возвращая в его прохладное пузо недопитую бутылочку с водой, а обратным движением извлёк единственный доступный ему предмет, который можно было использовать в качестве оружия, — алюминиевую банку с пивом.

Бокал, бутылки с водой и газировкой, тарелки, вилки, ножи — всё было пластиковым, лёгким, неспособным причинить серьёзный вред, во всяком случае — с дистанции. А вот пивная банка — дело другое. Получив соответствующее ускорение, она вошла охраннику точно в висок, начисто выбив из него дух, и, отскочив, улетела за борт, навсегда сгинув в морской пучине, а не загрохотала по палубе, сообщая окружающим, что на судне творится неладное.

«Время!»

Рикки легко добежал до свалившегося сторожа, добавил ему в голову, выводя из строя минимум на два часа, и молниеносно вернулся к борту.

Второй этап побега — прыжок с кормы. Не забыть разбежаться, чтобы войти в воду подальше от гребных винтов. И ещё не забыть как можно дольше не выныривать, а также усердно плыть, старательно считая секунды.

«...два... пять... восемь...»

Плавание у рыцарей всегда входило в число обязательных дисциплин, и хотя в его подводной разновидности Рикки чемпионом не считался, держался он неплохо.

«...двадцать два, двадцать три... тридцать...»

Тридцать секунд — это двести с лишним ярдов.

«Пора!»

Рикки с силой надавил языком на коронку и одновременно сложил пальцы правой руки в замысловатый жест, пытаясь активизировать «Дырку жизни» резервным способом, без произнесения заклинания, но результата не добился.

«Слишком близко? Защитное поле ещё действует?»

К сожалению, получить ответ на этот вопрос можно было лишь опытным путём — плыть дальше. А поскольку воздух заканчивался, молодому чуду пришлось вынырнуть на поверхность, где...

Где на запястье его левой руки немедленно захлопнулся металлический браслет наручников.

«Дерьмо!»

— А ты хорошо плаваешь! — громко произнёс сидящий в лодке Винсент. — Но я понял, зачем ты меня оскорбил, и сразу же приказал спустить лодку на воду. Извини!

«Никаких разговоров!»

Шарге здесь, но шхуна далеко, только-только начала сбрасывать скорость, а значит, есть надежда на то, что они выскочили за пределы защитного поля.

Рикки вновь надавил на зуб, сложил пальцы и с радостью почувствовал осязаемое даже для него, лишившегося магических способностей, движение невидимой силы — заклинание сработало!

«Есть!»

— Мля!

Винсент тоже понял, что происходит, и сопроводил открытие незамысловатым ругательством.

— Что ты делаешь?!

Вода вдруг просела, продавленная вихрем нарождающегося портала, ушла вниз, и на глади моря образовался нереальный цилиндр бордовой пустоты. Мощный всплеск магической энергии пробил пространство, вышел «с той стороны», сформировав коротенький и в то же самое время — невероятно длинный тоннель, осязаемо вздрогнул, завершая создание перехода, и не сдержавшийся Рикки выкрикнул:

— Прощай, придурок!

— Не торопись!

У Шарге было не более двух секунд, а может, даже меньше, поскольку счёт в противоборстве шёл на мельчайшие мгновения. Портал почти сформировался, пленник почти ушёл, операция почти провалилась, но опытный маг ухитрился всё исправить.

Своё заклинание Винсент прочёл за те мгновения, что у него были. И не только прочёл, но и с невероятной точностью направил энергетический поток, намертво заблокировав почти готовую «Дырку жизни».

— Извини, малыш, но у мага всегда есть преимущество перед артефактом.

«Нет!»

Но, к сожалению, — да. Бордовый вихрь чудовищной силы сдулся. Цилиндр съёжился на глазах, позволяя волнам вернуться на законное место и лишая Рикки надежды.

Матросы рывком подняли расстроенного Феллоу в лодку, и Шарге благодушно продолжил:

— Посидишь денёк взаперти, ладно?

Молодой чуд молча отвернулся.

— Не обидишься?

Тишина.

— Ну как хочешь. — Старик кивнул матросам. — Возвращаюсь.

«Пусть не получилось! Главное, что я пытался! — Рикки с горечью посмотрел на наручники. — Я не сдался! Я сделал хоть что-то!»

* * *

— У тебя есть пушки? — удивился Вернон.

— Если бы, — грустно вздохнул Аэрба. — Столько проблем можно было бы снять...

— Неужели не продали? — поддел капитана Кольдер.

— Я могу купить всё, что угодно, включая крылатые ракеты, — веско ответил серб. — Но возникает вопрос: как хранить? Мирное гидрографическое судно плохо сочетается с башенными артиллерийскими автоматами. Пулемёты прятать легче, чтоб им чугунный якорь приделали...

— Зачем?

— Да так, к слову.

При этом сами пулемёты не сильно уступали орудиям, во всяком случае — зенитным, поскольку весёлый капитан Аэрба оказался счастливым обладателем двух 14,5 мм «КПВТ» из древнего Коврова, что в далёкой Владимирской губернии. Пулемётные тумбы оказались выдвигаемыми и искусно маскировались в элементах надстройки — умный Уэрбо не хотел портить мирному судну сложившуюся репутацию.

Однако в тишине и уединении открытого моря он демонстрировал вооружение «Черепахи» с понятной гордостью.

— Я эти стволы специально добыл для встречи с Герро. Уверен, ему понравится.

— А я думал, они входили в комплект советского гидрографического оборудования, — пошутил Вернон.

И шутка оказалась пророческой.

— В комплект входили устаревшие версии, — сообщил капитан. — Поразмыслив, я решил поменять их на новые.

— И правильно сделал.

— Настоящий пират должен внимательно следить за новинками, — добавил Кольдер.

— Я знаю, что должен делать настоящий пират... — Аэрба ласково провёл рукой по стволу, поправил тёмные очки на носу и задумчиво продолжил: — Называться пиратом сейчас неприлично... Слышали о PirateBay?

— Ага.

— Я не понимаю, почему умные, в общем, люди называют сетевых воришек пиратами? Чтобы меня унижить?

Вопрос прозвучал печально, чувствовалось, что капитана всерёз задевает происходящее, поэтому де Бер постарался ответить с максимальной осторожностью:

— Смысл слова стал более миролюбивым.

— У этого слова был, есть и будет только один смысл: вооружённое нападение, — резковато возразил серб. — А в Европах, говорят, уже появились пиратские партии... Они ходят в море? Грабят? Убивают? Нет. Они — отпрыжки цифровой эпохи, чтоб им чугунный якорь приделали... Прыщавые маменькины сынки, неспособные разобрать «калаш» и распускающие сопли при виде крови, называют себя пиратами. Они — пираты! Мля! А кто тогда я? Тоже пират?! В задницу таких коллег! Что они могут?

— Э-э... — Кольдер покосился на друга, Вернон едва заметно пожал плечами, и Горностаю пришлось продолжить самостоятельно: — Они отнимают чужую собственность.

— И всё? — презрительно уточнил серб. — Мошеничество, воровство, карманные кражи — отнимать чужую собственность можно различными способами. Иногда жестокими. Иногда позорными. И для каждого такого способа придумано своё название. Почему мелкий жулик зовёт себя пиратом? Чего я не понимаю?

— Ты отстал от жизни, — решилс Венсон.

И услышал в ответ грустное:

— Наверное.

Уэрбо ещё раз провёл рукой по пулемёту, надавил на кнопку дистанционного пульта, вновь пряча оружие за крепкими панелями, и жестом пригласил гостей вернуться в прохладу кают-компании, где их поджидали ром и лёд: полдень давно миновал, и капитан с удовольствием распечатал бутылку.

— Уверен, вы не сочтёте меня пацифистом, если скажу, что мы не звери, что бы там о нас ни рассказывали. И если есть возможность не лить кровь — мы её не льём.

— Как так? — прищурился Вернон, в представлении которого морские разбойники редко обходились без смертоубийства.

— Да очень просто. — Аэрба поднял стакан, чуды последовали его примеру, и разговор продолжился после короткой булькающей паузы. — Угроза насилия действует не менее успешно, чем само насилие. А в некоторых случаях — она намного эффективнее, поскольку люди обладают фантазией, и эта фантазия рисует им такие ужасы, на которые даже распоследние бандиты неспособны.

— Пожалуй, соглашусь, — кивнул де Бер.

— Эту истину не я придумал, — честно ответил серб. — Я лишь оценил её потенциал и существенно минимизировал уровень насилия в повседневной работе.

— Говоришь как бизнесмен, — хмыкнул Венсон.

— А я и есть бизнесмен, — не стал отрицать капитан. — Заключение контракты на гидрографические работы и с этого получаю прибыль. Ну, иногда занимаюсь дополнительными операциями, но кто посмеет в наше трудное, кризисное время обвинить меня в желании диверсифицировать бизнес?

— Мы не из налоговой, — хладнокровно возразил де Бер. — Мы никого не обвиняем.

— Да, вы не из налоговой... Вы просто кое-что потеряли. — Аэрба вновь наполнил бокалы, добавил льда, но пить не стал. Помолчал, после чего продолжил: — Было время, я занимался нефтью в районе Африканского Рога. Я первым придумал эту чистенькую, аккуратную и очень прибыльную схему: останавливаешь танкер, запираешь команду в кондиционированном помещении и просяшь владельцев судна немного заплатить за недостаточное внимание к вопросам безопасности. Пару дней они закатывают истерики, топают ножками, требуют от правительства помощи, от ООН — поддержки, от Нептуна — нас покарать, потом отдают курьеру кейс с наличностью, и танкер спокойно продолжает движение в порт назначения. Я рассчитал, что через пару дней даже самый тупой и жадный капиталист сообразит, что на фоне танкера и нефти в нём, содержимое кейса значит настолько мало, что проще заплатить, сочтя происходящее мелкой издержкой.

— Танкер трудно спрятать, — прикинул Вернон.

— Мы и не прятали. Мы их минировали, а кейс становился платой за код деактивации.

— Умно.

— Спасибо. — Аэрба зевнул. — Сначала было интересно и прибыльно, потом осталось прибыльно, но невероятно скучно. Рутинка. Главная сложность заключалась в том, чтобы не забыть покормить команду танкера... Ах да, ещё приходилось пересчитывать много денег, но от этого занятия я никогда не устаю.

Он вновь наполнил стаканы, и вновь разговор прервался. А когда мужчины выпили, первым заговорил де Бер:

— Ты поэтому ушёл из бизнеса?

— Почему поэтому?

— Из-за скуки.

— Вовсе нет. — Уэрбо задумчиво оглядел пустой стакан. — Я ушёл из бизнеса, потому что жадные местные узнали о моей идее и стали хватать все проходящие суда и требовать большой выкуп. Идея была опошлена, в акваторию пришли военные, а я не люблю военных. Они хорошо вооружены и не склонны к переговорам,

чтоб им всем чугунные якоря приделали... Бенга-Бенга предложил потрошить богатенькие яхты на Сейшелах и Маврикии, но я отказался. Мне противно заниматься толстосумами: они липкие, трусливые, а некоторые — мстительные. Возись с ними потом... В общем, пришлось вернуться к контейнерным перевозкам.

— Они не скучные?

Серб улыбнулся, показывая, что оценил шутку, и качнул головой:

— В последнее время мы работаем по предварительным заказам: нам сообщают рейс и номер контейнера, который нужно забрать. Или утопить. Или сжечь... Я не всегда знаю, что там за товар. Меньше знаешь — лучше спишь.

— Ты весьма откровенен с нами, — оценил де Бер.

— Ага.

— Не боишься, что мы тебя сдадим?

Вопрос заставил Уэрбо задуматься. Несколько секунд капитан придирчиво изучал физиономию молодого чуда, после чего заинтересовался:

— Зачем тебе меня сдавать?

— Ну...

Горностаи почувствовал себя Драконом.

— Вот когда надумаешь мотив, тогда я и стану тебя опасаться.

— А как ты узнаешь, что у меня появился мотив? — попытался отгрызнуться Кольдер и тем окончательно развеселил Уэрбо:

— У тебя всё на лице написано, православный брат! Признаться, я впервые встречаю настолько открытого парня.

— Правда?

— Честное слово. Хотя не уверен, согласишься ли ты пирату?

— Поверю.

— Ну и правильно, я ведь честный пират, а не китайская подделка.

И было решительно непонятно, шутит он или говорит серьёзно.

Де Бер покосился на друга — Дракон с трудом сдерживал улыбку, — и хмуро сообщил:

— Я знаю, что у меня очень открытое лицо... Но я меняюсь.

— Жаль, — вздохнул Аэрба.

— Почему? — удивился Горностаи.

— Твоё изменение будет означать, что юность осталась позади.

И в алкогольной атмосфере кают-компании вдруг появилась лёгкая грусть. Скользнула слабеньким ветерком, дунула на глаза и юркнула прочь, словно подхваченная кондиционером.

— Да ты философ, — улыбнулся Вернон.

— Нет, я не он, — медленно ответил серб. — Я тот, кто много видел. Я расстался с юностью настолько давно, что успел обдумать, как же это произошло, припомнить нюансы и сделать кое-какие выводы. — Делиться ими капитана не просили, но ему это и не требовалось. — У взрослой жизни, безусловно, есть масса преимуществ, но нет нужды торопиться в её цепкие объятия. Взрослая жизнь никуда от вас не денется.

— Предлагаешь оставаться подростком как можно дольше?

— Делать всё вовремя. Без спешки.

— Иногда жизнь сама ускоряет процесс, — угрюмо напомнил Кольдер. — Бывает так, что друга похищают из гостиничного номера и тебе приходится идти по следу, надеясь успеть...

— И не обращаться в полицию... — небрежно бросил серб.

— Что?

— Что?

— То, что слышали, православные братья. — Капитан окинул чудов быстрым, цепким и очень трезвым взглядом. — Я — весёлый парень, я много пью и много говорю, но это вовсе не означает, что я — невнимательный дурак.

— Мы и не думали... — попытался перехватить инициативу де Бер, но Уэрбо не позволил себя перебить.

— Вашего друга похитили, а вы не обратились в полицию. Причём, судя по вашему поведению, вы и не планировали искать помощи у властей, вы сразу определили, что произошедшее касается только вас, точнее, не именно вас, а таинственной организации, которая стоит за вашими спинами, и решили разобраться своими силами. Это, согласитесь, наводит на размышления.

Ответили рыжие мгновенно: Венсон сориентировался:

— Полиция помогла бы нам отыскать Герро?

— Не уверен.

— Вот и ответ на твой вопрос.

— Нет, не ответ, — не согласился серб. — Вы даже своих в известность не поставили, зато мгновенно приняли помощь случайного человека, который представился вам пиратом, и отправились с ним в открытое море.

— И что?

— Вы меня не боитесь.

— И что?

Чуды и в самом деле не понимали, куда клонит Аэрба, а тому оставалось лишь удивлённо цокнуть языком:

— Вы сами не понимаете, насколько неестественно ваше поведение? Ваша уверенность в себе и абсолютное бесстрашие? Вы отдаёте себе отчёт в том, как сильно отличаетесь от людей?

— Что ты имеешь в виду? — тихо спросил Кольдер.

Однако серб, к огромному облегчению рыжих, предпочёл остановиться:

— Я понимаю, что у всех есть тайны, и поэтому не лезу к вам в душу. Если есть вещи, которые вы не хотите рассказывать старому и многопьющему Аэрбе, — это ваше дело, не рассказывайте. Но мне было бы приятно точно знать, что происходит на моём судне.

Высказавшись, капитан поднялся из-за стола и вышел, продемонстрировав, что не очень удовлетворён результатами беседы. Однако обсудить неожиданную выходку чужды не успели: едва они посмотрели друг на друга, собираясь с мыслями и ожидая, кто начнёт первым, как дверь вновь приоткрылась и в кают-компанию проскользнул Бенга-Бенга:

— Ну и какого дьявола вы тут забыли?

— Энергия Колодца Дождей! — тут же среагировал Кольдер.

То, что судовой шаман Аэрбы в действительности является человеческим колдуном, чужды почували при первой же встрече — такие вещи маги видят мгновенно. Виду, разумеется, не подали, но с нетерпением ждали возможности пообщаться.

— Колдуешь заурядным челам на хлеб с маслом?

— Так и знал, что вы догадаетесь, — съязвил Бенга-Бенга, тщателью прикрывая за собой дверь.

— Замешан в чём-нибудь противозаконном?

— Ты моя мама?

— Лицензия в порядке?

— Ты из Службы утилизации?

— Нужно её вызвать? — вспыхнул Дракон.

— И что ты им расскажешь? — скривился чел. — Правду? Как Луминар похитил твоего друга, а ты, вместо того чтобы доложить в Орден, представил себя рыцарем в сверкающих...

— Заткнись!

— Вернон, успокойся, — резко велел де Бер. И перевёл взгляд на шамана. — Ты — тоже.

— Я хладнокровен, как мёртвый нав.

— Как тебя зовут, кстати?

— Бенга-Бенга сойдёт.

— Чем занимаешься?

— Колдую на полставки.

— Паруса дыханием наполняешь?

— Гальюны в соседние суда опорожняю.

— Я ведь просил успокоиться! — рявкнул Кольдер. — Хотим мы того или нет, но в ближайшее время нам работать вместе, так что давай дружить.

— Предлагаю ограничиться сотрудничеством, — буркнул шаман. — Дружить с вами у меня никакой охоты.

— Пусть так. — Де Бер посмотрел на чела, помолчал и другим, гораздо более мирным, тоном произнёс: — Нам нужно понять, чем ты занимаешься для Аэрбы. Хотя бы в общих чертах.

Шаман кивнул, проворчал: «Все хотят всё знать», но послушно ответил:

— В открытом море всегда есть работа для толкового мага: определить точное местонахождение цели, конкурентов, отвести глаза случайным свидетелям, «закрыть» судно от радиоэлектронного наблюдения, в конце концов... Но я за рамки не выхожу и претензий ко мне у Службы утилизации нет.

— Да плевать нам на Службу.

— Знаю. — Бенга-Бенга хитро улыбнулся. — Меня считают настоящим шаманом, что здорово упрощает поддержание режима секретности.

— Где берёшь энергию?

— В Торговой Гильдии, разумеется. Пишу менеджеру электронное письмо, он комплектует заказ и закидывает его на борт грузовым порталом. Получается дороговато, но что делать: выбора у меня нет.

— С контрабандистами знаком? С Тарханом Хамзи, например?

— Кто это? — Шаман изумлённо вытаращился на Горностая.

— Ты не мог не вести с ним дел, поскольку тебе требуется гораздо больше энергии, чем можно приобрести у Торговой Гильдии, — холодно и очень уверенно произнёс Кольдер. — Да и серьёзные артефакты они тебе не продадут. А ты ими наверняка пользуешься.

— Не доказано.

— Мы не собираемся ничего доказывать или стучать в Службу. Без энергии Рикки не вытащить, а мы с Верноном почти пустые. И «батареек» взяли мало. — Де Бер помолчал и вежливо, настолько вежливо, что Венсон едва сдержал возглас, попросил: — Свяжись, пожалуйста, с Тарханом. Ты свяжись, а мы заплатим.

Несколько мгновений Бенга-Бенга размышлял, но чуды поняли, что его сомнения — игра, чел догадывался, что от него требуют, после чего спросил:

— Почему вы не сообщили о похищении в Орден? Знаменитая чудская гордость?

— Почти.

Рыжие были бы не прочь покончить с расспросами, но шаман не унимался:

— Вы понимаете, что убиваете своего друга? Или уже убили. Если вы сообщите в Орден, сюда свалится отряд командоров войны, и проблему урегулируют за час.

— Полагаю, похитители ждут командоров войны, и парни окажутся в ловушке.

— Луминар силён, но несколько туповат. Он не доставит проблем вашим рыцарям.

— Рикки — племянник Франца де Гира.

— О-па! — Бенга-Бенга замер.

— Вот именно: «о-па», — передразнил чела Горноста́й. — Луминар — мелочь, ему не по чину сориться с великим магистром и похищать его племянников, а значит...

— Значит, наш кровососущий Герро связался с кем-то очень опасным, — закончил за чуда шаман.

— Именно, — подтвердил Вернон. — Думаю, план похищения разработан досконально и включает в себя отпор карательному отряду.

— Нас же считают щенками, и именно поэтому у нас есть шанс расстроить планы похитителей и выручить Рикки, — усмехнулся Кольдер.

— Не обидишься, если скажу, что вы и есть щенки?

— Не обижусь, — деловым тоном ответил де Бер. — Ты пригодишь нам энергии?

— Да.

— Очень хорошо... Стой! — Де Бер побледнел и поднёс левую руку к виску. — Всплеск!

— Что?

— Он сканирует акваторию! — быстро объяснил Венсон. — Коль! Говори!

— Сильный всплеск... — Кольдер сглотнул, закрыл глаза и с силой надавил пальцами на висок. — Кажется, я знаю, где сейчас «Абрис»...

* * *

— Мы продолжаем сближаться? — быстро спросил Аэрба.

— Как ни странно — да, — подтвердил стоящий у штурвала шаман, бросив очередной, десятый или двадцатый взгляд на экран радара. Капитан на мостик не поднимался, вопрос бросил, проходя мимо раскрытой двери, а услышав от штурмана неожиданное дополнение, замер.

— Почему странно?

— Потому что это не в их интересах, — спокойно ответил Бенга-Бенга. — Не мне тебе рассказывать, что, когда на борту важный пленник, боестолкновений стараются избегать.

— Они избегали, — хмыкнул серб. — Просто у них не получилось, чтоб им чугунный якорь приделали.

— Похоже, приделали, — едва слышно пробормотал де Бер, но его не услышали. Или же не обратили внимания. Даже Венсон промолчал.

— Мы у них на радаре, а они всё ещё здесь, — уточнил шаман. — И не меняют курс.

— Всё может измениться в любой момент. Помнишь, как Герро умеет уходить?

— Помню.

— И?

— Сейчас он не уходит, и, если судить по скорости сближения, уходить не намерен.

— Гм... — Капитан почесал в затылке, простимулировал важные участки мозга и, наконец, понял, на что намекает шаман: — Предполагаешь ловушку?

— Она вероятна.

Несколько секунд в голове Уэрбо шла серьёзная мыслительная возня, строились и рушились планы, громоздились друг на друга варианты развития событий, подсчитывались вероятности... Во всяком случае, наблюдавшим за диалогом Кольдери и Вернону хотелось, чтобы всё было именно так: капитан серьёзно отнёсся к предупреждению и тщательно продумывает предстоящие действия. Однако закончились размышления, если, конечно, это были они, беззаботным:

— Мы ко всему готовы!

И Аэрба исчез из дверного проёма.

— Противник появится на горизонте примерно через минуту, — ровно произнёс Бенга-Бенга, обращаясь скорее к себе,

чем к Горностаю. — Луминар не может не понимать, что видит на радаре именно нас, а значит, сознательно идёт на драку.

— То есть Герро считает, что готов к ней лучше нас?

— Вступая в сражение, ты должен быть уверен в том, что готов к нему лучше врага, — назидательно ответил шаман. — В противном случае сражения избегают.

Оспаривать это утверждение чуды не стали.

Всплеск магической энергии, случившийся посреди пустынного в колдовском отношении моря, стал для де Бера маяком, точно указавшим местонахождение подозрительного судна. С помощью шамана Кольдер наложил отмеченное возмущение на карту и получил координаты: как оказалось, Герро находился недалеко от «Белой черепахи» и шёл курсом на сближение. В ходе короткого совещания было решено себя не выдавать и не использовать для сближения артефакты портала, а потому последний час превратился для чудов в настоящую пытку: они с нетерпением ждали встречи с похитителями и не сводили глаз с радара, со страхом ожидая, что Луминар вот-вот исчезнет в магическом переходе.

Но время шло, а масан не убежал.

— Что бы он ни придумал, мы справимся, — спокойно проинёс Вернон, глядя на зелёную точку приближающегося судна.

— Только энергия у нас почти на нуле, — вздохнул Кольдер.

— Справимся, — с уверенностью настоящего Дракона ответил Венсон. — Это же драка.

И тем напомнил другу Аэрбу.

Услышав, что враг рядом, капитан взвился, рявкнул: «Драка!» — и развил бурную деятельность по её подготовке. Поднял по тревоге экипаж, объявил двойную премию за победу и распорядился раздать оружие. Разместил абордажную команду на катере и двух моторных лодках, которые пока прятались за кормой «Черепahi», лично проверил оба пулемёта, вновь спрятал их в надстройке, не желая раньше времени демонстрировать Герро заготовленный сюрприз, проверил готовность машинного отделения и лазарета, увидел спустившихся с мостика чудов и поделился с ними ближайшими планами:

— Я точно знаю, что у Герро есть два «браунинга», но «КПВТ» их подавят. Под прикрытием пулёмётного огня мои парни начнут абордаж и тем развлекут команду Луминара до тех пор, пока мы не сцепимся с ними бортами. Затем спасаем вашего друга, топим «Абрис» и отмечаем победу. У меня есть ящик шотландского...

Судя по внешним признакам, капитан в исходе сражения не сомневался, однако Кольдер к оптимизму серба отнёсся сдержанно и решил прояснить важную деталь:

— Что, если Герро прикроется нашим другом?

— Как это? — не понял Уэрбо.

— Выставит его на палубу, например.

— Для меня ваш друг — никто, и Герро нет никакого смысла им закрываться, — после секундного размышления ответил Аэрба. — А вы спрячьтесь и не мешайте сражению.

— Мы не станем прятаться, — возмутился Дракон.

— Тогда не задавайте глупых вопросов.

— Противник на горизонте!

— Началось!

Капитан рванул на мостик, а оставшиеся на палубе рыжие переглянулись.

— Настоящая драка, Вернон.

— Настоящая, Кольдер.

— Типа, поздравляю?

— Угу.

Могли они представить, что их первое сражение получится именно таким: в тропическом море, в составе пиратской команды, против других пиратов, ведомых старым вампиром? Нет, разумеется, не могли, но раз уж выпало, отступить рыжие не собирались. Пираты, значит, пираты. Вампир, значит, вампир. Их двое, а магическая энергия на нуле? Тем интереснее.

Они ведь чуды.

Они — рыцари. И будут драться в любых обстоятельствах.

— Удачи, Вер.

— Удачи, Коль.

А в следующий миг загрохотали пулемёты.

«И тебе удачи, Рикки, — прошептал де Бер, стискивая рукоятку выданного Аэрбой автомата. — Надеюсь, тебе повезёт...»

Потому что крупнокалиберные пули «КПВТ» безжалостно рвали чужое судно, легко пронзая незащищённую надстройку и стремительно превращая её в решето. А всех, кто попадался на пути — в мертвецов.

Несмотря на нетерпение, Аэрба долго сдерживался и приказал открыть огонь лишь после того, как расстояние до противника сократилось до половины мили. Носовой пулемёт запел, ответ «браунинга» не заставил себя ждать, и суда продолжали сближаться под грохот выстрелов и гулкие удары пуль. Стёкла иллюминато-

ров, двери, переборки... «Черепеха» была защищена противопульной бронёй, однако даже под её прикрытием молодые рыцари чувствовали себя не особенно уютно. В отличие от привычных малайцев, успевавших не только поддерживать пулемётчика из «калашниковых», но и болтать между собой, да ещё и покуривать, чем вызывали у не терпящих табачного дыма чудов раздражение.

— Когда Герро ближе — станет хуже! — сообщил один из пиратов и весело поднял вверх большой палец: — Тогда смешно!

Английский этого малайца оказался вполне приличным, и рыжие в целом уловили смысл послания.

— Когда ближе — пулёмёт плохо.

И лёгкая броня «Черепехи» может не выдержать напора «браунинга».

Аэрба понимал происходящее не хуже малайцев, а потому лично встал за носовую тумбу и целил исключительно в ближайший пулёмёт противника, стремясь как можно быстрее его подавить. И в тот момент, когда суда разделяло примерно два кабельтовых, одна из посланных сербом пуль влетела в механизм «браунинга» и тяжёлое оружие заклинило.

Пираты встретили успех громкими воплями, а абордажная команда тут же сорвалась с привязи. Теперь, когда один из пулёмётов замолчал, а «КПВТ» продолжал обрабатывать противника, никто не мог им помешать взобраться на борт.

— А что дальше? Таран? — осведомился Вернон, не спуская глаз с приближающегося врага.

— Сомневаюсь, — буркнул Кольдер.

Давешний малаец не понял, о чём переговариваются рыжие, но снова поднял вверх большой палец и улыбнулся.

Никакого тарана, разумеется, не случилось: суда разошлись примерно в сотне футов друг от друга, причём на носу противника уже хозяйничали люди Уэрбо. Кормовой пулёмёт Герро ударил по «Черепехе» при первой же возможности, но «КПВТ» легко подавили его в два ствола, а дружный залп из гранатомётов повредил машинное отделение. Судно потеряло ход, из люков повалил чёрный дым, пираты Аэрбо вновь взвыли, а Бенга-Бенга приступил к развороту, намереваясь встать борт в борт для полноценного абордажа.

— Тебе их совсем не жаль? — негромко поинтересовался Винсент.

— Они знали, на что шли, когда становились пиратами, — спокойно ответил Луминар. — Смерть — часть их ремесла.

— Они тебе верили, — протянул Шарге. — Ты обещал спасти их с помощью своего «колдовства».

— Все знают, что колдовство не всегда срабатывает, — рассмеялся вампир. — К тому же мы говорим о челах.

— И о твоём втором судне.

— Ярга обещал возместить потери. — Быстрый взгляд на чуда. — Не так ли?

— Так, — подтвердил Винсент.

— Значит, всё в порядке. — Луминар зевнул. — Кстати, ты косвенно виноват в гибели челов и потере «Фиолета»: ты позволил юнцу бежать.

— Я позволил ему попытаться бежать, — уточнил Винсент.

— В любом случае, это вызвало всплеск магической энергии, по которому нас выследили.

— Мы прогнозировали и такое развитие событий, — напомнил Шарге.

Прогнозировали и решили специально подставить под удар «Фиолет», дабы присланные великим магистром рыцари смогли сорвать злость. По мнению Винсента, который в силу определённых обстоятельств неплохо разбирался в чудской психологии, жертва приведёт Франца в чувство, а отсутствие на борту заложника покажет, что похитители полностью контролируют ситуацию. Герро же было всё равно, каким образом избавляться от «засеченного» во время прошлой пиратской акции судна: топить или сдавать рыжим, и уж тем более ему было плевать на команду.

— Всё идёт так, как запланировано.

— Уверен?

— Абсолютно.

— В таком случае, где главные действующие лица? — ехидно осведомился Герро. — Где могучие рыцари, которых Франц де Гир отправил нас убивать?

Масан и мастер големов наблюдали за побоищем с помощью магического шара, пробив тоненький, едва уловимый энергетический канал к гибнущему «Фиолету». Хрустальный «монитор» обеспечивал прекрасную детализацию картинки, и зрители прекрасно видели и разрушающееся под пулями «КПВТ» судно, и погибающих пиратов, их кровь на палубе и даже стреляные гильзы. Но до сих пор не разглядели ни одного мага и не увидели ни одной «Шаровой молнии» или же «Эльфийской стрелы».

— Посмотри на палубе «Черепахи».

Картинка сместилась в сторону и вбок, изображение приблизилось, и Герро с Винсентом почти одновременно издали гневное восклицание:

— Они?

— Вот дрянь!

— Точно!

Потому что перед их глазами встали не бывалые командоры войны, а два молодых парня, с которыми похитителям уже доводилось встречаться в Патайе. Вооружённые автоматами чуды стояли у борта и замороженно наблюдали за развернувшейся на «Фиолете» бойней.

— Приятели нашего пленника.

— Угу.

Вампир с иронией посмотрел на чуда:

— А где карательный отряд?

— Похоже, его нет, — очень спокойно, для чего ему пришлось собрать в кулак всю волю, ответил Винсент.

— Мальчики не позвали на помощь?

— Получается, не позвали.

И красивый план треснул, гамбит превратился в фарс.

— В отличие от опытных вояк, щенки воспримут уничтожение «Фиолета» как победу и теперь уж точно не станут никому звонить. — Луминар усмехнулся. — Твой разговор с великим магистром откладывается на неопределённый срок.

— Эта посуда не похожа на китобойную шхуну, о которой ты рассказывал.

— Класа «люкс», — уточнил Дракон.

— С парусами, — добавил де Бер.

— У неё вообще нет парусов.

— Потому что это не «Абрис», а «Фиолет», второе судно Герро, — угрюмо ответил Аэрба. И покосился на подошедшего Бенгу-Бенгу: — Как такое может быть?

Победа ненадолго привела капитана в прекрасное расположение духа, минут на десять, не больше. Сразу после того, как пираты Герро побросали оружие и его люди полностью захватили «Фиолет», Уэрбо ещё шутил и смеялся, но, узнав, что старого врага на борту не оказалось, помрачнел и перестал вспоминать о предложении «отпраздновать победу». Чуды, впрочем, тоже не получили желаемого.

— Рикки был здесь, я чувствую, — произнёс Кольдер и тут же осёкся, поймав укоризненный взгляд Вернона.

— Что значит «чувствую»? — немедленно уточнил серб.

— Всё правильно: пленника держали здесь, — поспешил влезть в разговор шаман. Последние двадцать минут он «общался» с пленными и как раз собирался поделиться новостями. — «Абрис» в Патайе не задержался: высадил Герро с каким-то белым и ушёл, так что сначала пленника доставили на «Фиолет».

— Где Рикки теперь? — быстро спросил Венсон.

— Никто не знает, — развёл руками Бенга-Бенга. — Сегодня утром ваш друг пытался бежать, но его поймали. Потом Луминар, его белый приятель и пленник исчезли, а капитан «Фиолета» получил приказ следовать прежним курсом и атаковать «Черепуху». А поскольку все понимали, чем закончится бой, Герро пообещал «забрать» «Фиолет» в самом начале сражения. Фактически речь шла о том, чтобы изобразить атаку.

— Но он их обманул... — Кольдер задумчиво посмотрел на пиратов: — Зачем Герро отправил судно на гибель?

— Дотторе как-то говорил, что «Фиолет» ищут китайцы и австралийцы, — припомнил Аэрба. — Луминар просто от него забавился.

— И предал команду?

— Такое случается.

— Они же пираты, — тихо проронил Дракон.

— Не все пираты свиньи, — скромно заметил Уэрбо. В ответ посыпалось ожидаемое:

— Извини, имел в виду исключительно свиней.

— Хорошо. — Капитан кивнул, показывая, что инцидент исчерпан, после чего поинтересовался: — А что значит «исчезли»? Пленные не уточняли?

— Полагаю, речь идёт о катере, — осторожно произнёс де Бер.

— Других вариантов нет, — поддержал друга Венсон.

— Кроме того, что Герро — колдун, — неожиданно бросил Бенга-Бенга. — И тебе, Эрба-Эрба, об этом хорошо известно.

— Я лишь уточняю.

— Ты веришь в магию? — Режим секретности был одним из краеугольных камней жизни Тайного Города, поэтому Дракон отнёсся к двусмысленному диалогу довольно нервно.

— Бенга-Бенга умеет вызывать волнение на море и прятать «Черепуху» от вражеских радаров, — медленно ответил серб. — Герро однажды ушёл у нас из-под носа: я сам видел, как его «Абрис» растворяется в воздухе, а я привык верить собственным глазам... — Многозначительная пауза. — Но я не верю в магию, я её принимаю.

И умолк. Однако умолк так, что не задать вопрос было невозможно.

— В кого же ты веришь? — осведомился Кольдер.

— В Белую Черепаху, — последовал уверенный ответ. — Верить нужно в то, что древнее всего, по той простой причине, что именно тогда всё создавалось и именно та сила до сих пор крутит колесо нашей жизни.

— Черепаху породил океан?

— Черепаха породила Океан, а значит — породила всё на свете...

Бенга-Бенга с улыбкой уставился на волны, как поняли чуды — для того, чтобы не встречаться с ними взглядом, и им оставалось лишь догадываться о том, как старый колдун из Тайного Города относится к странному рассказу.

— Белая Черепаха плавает в безбрежных просторах Космоса, на самой границе Хаоса и Порядка, силой своей и волей смешивая их, создавая Мир и Жизнь. И вся сила Мира, включая вашу магию — есть сила Белой Черепахи, которой она щедро поделилась с вами, с Жизнью. И если она захочет — она лишит вас её.

— И у нас будут серьёзные проблемы, — не удержался от язвительного замечания Венсон. Однако произнёс он его достаточно тихо, не помешав и не перебив говорящего Аэрбу.

— Первым Белая Черепаха создала из Хаоса Океан. Великий, безбрежный, могучий... Он получился настолько замечательным, что Белая Черепаха полюбила его особенно и повелела стать Колыбелью. Океан дал жизнь всему. И он забирает жизнь у всего, когда приходит срок. И в его прекрасных водах плещется Белая Черепаха, когда образ её сходит полюбоваться красотой Земли... — Уэрбо неожиданно умолк и весело оглядел замерших чудов: — понравилось?

— Полинезийская легенда? — предположил Кольдер.

— Не совсем, — продолжая улыбаться, ответил серб. — Туземцы о Белой Черепахе пока не знают.

* * *

Жара.

Гнетущая жара, от которой не спасал даже океан.

Тупой масан в помощниках; ещё более тупые человеческие пираты; упрямые рыжие шенки — все эти раздражающие факторы не выводили Винсента из себя так, как проклятая жара, которая его тело превращала в омерзительно-липкий пот. Вонючий на-

столько, что Шарге сходил с ума. Не помогала и «Удивительная вода брата Мельвуса», гарантированно заглушающая даже секреты скунса — запах пота пробивал её крепчайший аромат и терзал старика. Майки, рубашки, брюки, нижнее бельё — Винсенту казалось, что все его вещи насквозь пропахли ненавистным потом, и потому он менял их едва ли не каждый час и не реже пяти раз в день принимал душ.

Жара.

Жара, жара,
Жареное солнце больших городов.
Жара, жара,
Жареное солнце.

Сейчас слышанная когда-то песня вызывала у старого Шарге затяжные приступы гнева, и он, подобно масану, мечтал о приходе ночи, когда «жареное солнце» нырнёт за горизонт радовать своим появлением западных соседей.

Жара.

Винсент включил воду и с наслаждением встал под плотную холодную струю. И тут же позабыл, точнее, наплевал на выговоры Герро и его вечные напоминания, что пресная вода на судне ценнее всего: под холодным душем нытьё вампира-морехода казалось глупой выдумкой.

Жара. Только здесь от неё можно было ненадолго избавиться.

Как следует намокнув и пропитавшись холодным, Шарге сделал воду чуть теплее и принялся намыливаться, негромко насвистывая популярный мотивчик. И едва не прозевал атаку.

Но вовсе не потому, что не почувствовал движение — его опытный маг пропустить не мог, а вот наплевать из-за расслабленности — пожалуйста, наплевал. Размяк под прохладной струёй, на время позабыв об омерзительной жаре, вот и не среагировал на странное движение.

В отличие от Тусклого.

С другой стороны, Тусклый для того и создавался, чтобы не расслабляться и не размякать, и поэтому, когда Винсент понял, что готовится неладное, то решил, что лучшего случая проверить давно разработанную защиту представить трудно, и продолжил намыливать тело, не оборачиваясь и никак не показывая, что насторожился. И фальшивил, насвистывая, ровно столько, сколько нужно, сколько фальшивил бы, не заметив проникшую в душевую кобру.

Солнце забыло дома часы,
По телефону прошенья просить.
Сегодня, вчера и завтра с утра,
Завтра с утра и опять до утра.
Жара, жара...

Кобра прыгнула.

Точнее, совершила молниеносный выпад, который должен был закончиться ядовитым укусом, но за мгновение до атаки с мокрого плеча Шарге соскользнул Тусклый — прозрачный, тонкий, незаметный во сне, но быстрый и безжалостный в бою. Уникальный голем-телохранитель, нечто среднее между куклой и заклинанием, разработанный Винсентом исключительно для личных нужд. Уловив опасность и связав её со змеей, Тусклый не позволил ударить, окутав обречённую кобру собой: невидимым, но сильным. Несколько секунд на мокром полу шла драка: змея отчаянно пыталась отстоять свою жизнь, но результат был предре-щён ещё при проектировании голема. Хрустнул змеиный череп, в последний раз свернулось в кольцо гибкое тело, и вот уже про-зрачный Тусклый поднимается по ноге к плечу, чтобы вновь рас-течься по телу хозяина и замереть до появления следующего врага.

— Прекрасно, — одобрил Винсент и почувствовал, что голем стал немного теплее — доброе слово и кошке приятно. — Пре-красно.

Другими словами, полевые испытания завершились полным успехом. Оставалось обсудить результаты со всеми заинтересо-ванными лицами.

Шарге досуха, насколько это было возможно во влажной ду-шевой и влажных тропиках, вытерся, надел лёгкие брюки, тон-чайшую рубашку, вышел на палубу и, учитывая, что солнце село больше часа назад, обнаружил Герро в шезлонге на корме: вампир потягивал ром, тарачился на звёзды, а на появление старика сре-агировал довольно равнодушно:

— Привет.

— Добрый вечер. — Чуд уселся рядом и нейтральным тоном заметил: — Кобра — это примитивно. Я без труда нейтрализовал бы её яд.

— Это была модернизированная кобра, — вздохнул масан и сде-лал большой глоток рома. — Её укус убил бы тебя за две секунды.

— В таком случае, хорошо, что у неё не получилось, — улыб-нулся Винсент наливая себе спиртное и добавляя льда.

— Да как тебе сказать... — Ещё один глоток. — Я придерживаюсь обратного мнения.

— Хотел развлечься?

— За убийство Мясника братья поставили бы мне памятник.

— А что сказал бы Ярга?

— Полагаю, ему бы это не понравилось, — хихикнул Герро. — И мне пришлось бы затеряться среди тихоокеанских островов на полгода. А через полгода о тебе никто и не вспомнил бы, даже Ярга. — Масан протянул стакан. — Твоё здоровье.

— Твоё.

Стекло звякнуло, и мужчины пригубили рома. Каждый думал о своём.

— Что это за прозрачная дрянь по тебе ползает? — поинтересовался масан. — Зверушка?

— Установил камеру в моей ванной?

— Записывал происходящее через глаза змеи, хотел похвастаться.

— Не зверушка, а голем. Если забыл, я — мастер по их изготовлению.

— Хорошая модель, — одобрил вампир.

— Моя личная разработка, — с законной гордостью сообщил Шарге.

— Много врагов?

— Очень.

— Я почему-то так и подумал, — усмехнулся Луминар и тут же поинтересовался: — Но почему он действует? Ведь под защитным артефактом магия запрещена.

— Создавая скрывающее нас поле, Ярга позволил мне выбрать одно заклинание, которое сможет работать, — объяснил чуд. — Я выбрал телохранителя.

— Предусмотрительно.

— Спасибо.

— Ты придумал, что делать дальше?

Винсент поморщился.

Согласно предварительному плану, они уже должны были вступить в переговоры с великим магистром Ордена, причём — со спокойным магистром, осознавшим силу посланников Ярги. На деле же выходило, что Франц де Гир до сих пор понятия не имеет о трудной судьбе племянника, а на хвосте у похитителей два щенка и человские пираты.

Ситуация забавная, но только на первый взгляд, Ярга вряд ли оценит её юмористическую составляющую. Ему нужен результат, а не развлечение.

— Можно позвонить в Орден и самим всё рассказать, — предложил масан.

— «Здравствуйте, соедините меня с великим магистром, я похитил его племянника», — с издёвкой бросил Шарге.

— Вроде того.

— Мы будем выглядеть жалко.

— Меня начинает подташнивать от желания чудов выглядеть круто. — Герро залпом выпил половину стакана и налил ещё. — Одни отказываются звать на помощь, желая лично спасти дружка, другому стыдно звонить в Орден и требовать переговоров... Вы совсем идиоты?

— Не любим терять лицо.

— То есть лучше потерять голову?

— Ты схватываешь на лету.

— Я просто выбираю наибольшую глупость из возможных, горю, что так поступил бы настоящий чуд, и не ошибаюсь.

— Зато потом нам не стыдно, — протянул Шарге.

— Потому что мёртвые не знают стыда, — парировал Герро.

— И это тоже, — не стал спорить Винсент. — Лучше смерть, чем позор.

— Почему же вас до сих пор не перебили?

— Потому, что мы распространяем наши принципы и на врагов, — рассмеялся чуд. — Пусть лучше они умрут, чем опозорятся.

— А-а... — Луминар помолчал, усмехнулся, переваривая захватское заявление старика, после чего напомнил: — На послезавтра у нас намечен сеанс связи с Яргой. И что-то мне подсказывает, что он обязательно спросит о ходе переговоров с великим магистром.

— Я знаю, — мрачно ответил Винсент.

— И что ты ему скажешь? — Герро поднял брови. — За операцию мы отвечаем в равной степени, и гнев Ярги обрушится на мою голову тоже.

— Ты спрашиваешь, почему я не хочу убить щенков и таким образом известить чудов о похищении Рикки? — устало спросил Шарге.

— Да.

— Потому что полтора года назад я потерял сына, — произнёс чуд, и не ожидавший честного ответа Луминар осёкся. — Моего